

0-798950

На правах рукописи

САЛЯХОВА Зугура Идрисовна

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
ЗАЛОГОВОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.02 – языки народов РФ
(башкирский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Уфа – 2012

Работа выполнена на кафедре башкирского и общего языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор
Зайнуллин Марат Валиевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Галяутдинов Ишмухамет Гильмутдинович

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000758800

доктор филологических наук,
профессор
Семенова Галина Николаевна

доктор филологических наук,
профессор
Ганиев Фуат Ашрафович

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет имени Мифтахетдина Акмуллы»

Защита состоится «15» февраля 2013 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.013.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан «20» декабря 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Федоров А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное диссертационное исследование посвящено изучению функционально-семантической категории залоговости в башкирском языке, которая является одной из самых сложных и актуальных проблем современного тюркского языкознания. Данный факт объясняется тем, что в одной категории тесно переплетаются чрезвычайно сложные явления лексики, словообразования, формообразования, морфологии, синтаксиса, семантики, стилистики и т.п. Кроме того, категория залога тесно связана с категорией темпоральности, аспекта, переходности / непереходности, наклонения и модальности.

Категория залога в истории языкознания изучена достаточно полно, накоплен богатый научный материал. Выявлению сущности категории залога глагола посвящены как разделы общих грамматик, так и специальные исследования. Несмотря на наличие обширной литературы, данная проблема во многом продолжает оставаться дискуссионной, и в силу этого не может считаться теоретически осмысленной. До настоящего времени нет единой точки зрения на сущность категории залога, ее отношения к словоизменению, словообразованию, нет единого критерия выделения залоговых форм, грамматической значимости залоговых форм в синтаксических конструкциях и др. Изучение категории залога в тюркологии осуществлялось преимущественно на морфологическом уровне как грамматическая категория.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью категории залоговости в башкирском языке, а также необходимостью комплексного рассмотрения языковых средств, относящихся к разным языковым уровням, но объединенных на основе общности их семантических функций. Функционально-семантический подход является одним из важнейших принципов изучения в современной лингвистике, ведущими принципами которого являются группировка языкового материала по содержательным категориям и функциям; учет обусловленности функциональных вариантов внеязыковыми факторами. Этот подход дает возможность по-новому исследовать такие сущностные характеристики языка, как соотношение логических понятий и грамматических категорий, интегративное взаимодействие лексики и грамматики и т.п. Выделяются функционально-семантические категории или функционально-семантические поля, которые представляют совокупность средств выражения, относящихся к разным языковым уровням и служащих для передачи одного и того же инвариантного значения.

При исследовании залоговости в функционально-семантическом аспекте необходимо учитывать грамматические свойства башкирского языка. Справедливо мнение А.В. Бондарко о том, что концепция функционально-семантического поля, применяемая к залоговости, позволяет рассматривать

проявления залоговых признаков в данном конкретном языке. «Каждый язык осуществляет выбор из «залогового потенциала», из потенциально возможного комплекса залоговых отношений, причем в разных языках залоговая функциональная нагрузка по-разному распределяется среди морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических средств» [Бондарко 1972: 35].

В башкирском языке основанием для рассмотрения залоговости в функционально-семантическом плане служат, с одной стороны, различия функционально-семантических полей активности, пассивности, рефлексивности, поля реципрока и социатива, каузатива, а с другой – наличие между ними определенной общности. Общность заключается в том, что во всех случаях речь идет о той или иной характеристике действия в его отношении к субъекту и объекту. Этот общий признак указанных полей, позволяет интегрировать их в составе определенной системы функционально-семантических полей, за которым и закрепляется термин *залоговость*. Залоговость в башкирском языке целесообразно рассматривать как функционально-семантическую категорию (комплекс функционально-семантических полей), понятийную основу которой составляет залоговое отношение действия к логическому субъекту и объекту, центр (исходную форму) которой образует актив, периферию образуют пассив, рефлексив, реципрок и социатив, каузатив.

Объект исследования – функционально-семантическая категория залоговости в современном башкирском языке.

Предметом исследования настоящей работы являются функционально-семантические поля в системе залоговости башкирского языка (актив, пассив, рефлексив, реципрок и социатив, каузатив).

Цель диссертационной работы заключается в исследовании функционально-семантической категории залоговости в современном башкирском языке.

В соответствии с данной целью поставлены и решаются следующие задачи:

1. Произвести историко-лингвистический обзор и анализ состояния изученности проблемы залога и залоговости в русском языкознании, в тюркологии, в башкирском языкознании.
2. Определить сущность функционально-семантического подхода в современной лингвистике и теоретически обосновать целесообразность изучения залоговости в функционально-семантическом аспекте.
3. Рассмотреть залоговость как функционально-семантическую категорию, понятийную основу которой составляет залоговое отношение понятия действия к логическому субъекту и объекту. Представить центр поля

функционально-семантической категории (актив) и периферию (пассив, рефлексив, реципрок и социатив, каузатив).

4. Исследовать теоретическую концепцию актива, пассива, рефлексива, реципрока и социатива, каузатива; определить функционально-семантические признаки залоговости; выявить пути образования залоговых форм в башкирском языке; изучить и описать семантические свойства залоговых форм, классифицировать их типы; раскрыть особенности функционирования залоговости в синтаксических конструкциях, выделить их типы.

5. Выявить и проанализировать сложные залоговые формы, рассмотреть связь залоговости с темпоральностью, с аспектом, охарактеризовать лично-числовую парадигму.

Методологическая и теоретическая основа. Диссертационное исследование опирается на основополагающие труды отечественных лингвистов: В.В. Виноградова, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Н.А. Янко-Триницкой, И.П. Мучника и др., в области функциональной грамматики: А.В. Бондарко, В.С. Храковского, В.П. Недеялкова и др., труды тюркологов: А. Троянского, А.К. Казем-Бека, Н.Ф. Катанова, Н.А. Баскакова, Э.В. Севортьяна, А.М. Щербака, Л.Н. Харитоновна, Б.А. Серебренникова, А.Н. Кононова, Н.К. Дмитриева, Дж.Г. Киекбаева, М.В. Зайнуллина, А.А. Юлдашева, К.М. Мусаева, В.Г. Гузева, М.З. Закиева, Ф.А. Ганиева, В.М. Насилова, А.Х. Фатыхова, К.Г. Ишбаева и других ученых.

Научная новизна представленного исследования заключается в том, что в ней проведен функционально-семантический анализ категории залоговости в современном башкирском языке с учетом современных достижений языкознания. Наиболее глубоко изучена парадигма залога в башкирском языке, которая включает актив, пассив, рефлексив, реципрок и социатив, каузатив. При исследовании проблемы залоговости комплексно рассматриваются средства, относящиеся к разным языковым уровням (лексика, морфология, синтаксис, словообразование, формообразование и др.), объединенные на основе общности семантических функций. Глубокому функционально-семантическому анализу подвергнуты актив, пассив, рефлексив, реципрок и социатив, каузатив в башкирском языке. Выявлено существование в нем оппозиции активность/пассивность. Достаточно полно исследованы сложные залоговые формы. Диссертация является первой монографической работой, посвященной исследованию функционально-семантической категории залоговости в башкирском языке.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что материалы и теоретические положения, представленные в работе, имеют несомненную ценность в плане сопоставительного, сравнительного и историче-

ского изучения тюркских языков. Материал исследования может быть использован при изучении теоретических вопросов общей и функциональной грамматики, а также при более углубленной разработке грамматики башкирского языка. Результаты исследования могут способствовать постановке и решению новых актуальных задач башкирского языкознания. Изучение функционально-семантической категории залоговости имеет важный теоретический интерес еще и потому, что средства, относящиеся к разным языковым уровням, рассматриваются системно.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования ее положений, результатов и материалов в учебных вузовских курсах по лингвистическим дисциплинам и спецкурсах в процессе изучения башкирского языка. Результаты данного исследования будут полезны при дальнейшем изучении других насущных проблем башкирского языкознания.

Положения, выносимые на защиту:

1. В башкирском языке категория залоговости представляет собой систему функционально-семантических полей.

2. Центр функционально-семантического поля залоговости составляет актив, периферию – пассив, рефлексив, реципрок и социатив, каузатив. Основанием для рассмотрения залоговости в данном аспекте служат различия функционально-семантических полей активности, пассивности, рефлексивности, поля реципрока и социатива, каузатива и наличие между ними определенной общности. Общность заключается в том, что во всех случаях речь идет о той или иной характеристике действия в его отношении к субъекту и объекту. Этот общий признак указанных полей позволяет интегрировать их в составе функционально-семантической категории залоговости.

3. Отношения между действием и субъектом могут быть различными: 1) действие, при котором субъект устраняется с позиции подлежащего, а ее занимает дополнение-объект («пассив», «страдательный залог»); 2) действие совершается субъектом и направлено на субъект или объект, но для данного же субъекта действия («рефлексив», «возвратный залог»); 3) симметричное действие между актантами с различными семантическими ролями («реципрок», «взаимный залог»); 4) симметричное отношение между актантами с одной и той же семантической ролью («социатив», «совместный залог»); 5) действие выполняется одним субъектом по приказанию, просьбе, разрешению другого («каузатив», «понудительный залог»).

4. Сфера субъектно-объектных отношений, включающая залоговость, охватывает не только грамматическую категорию залога, но и элементы синтаксических структур, грамматические категории лица и числа, категории принадлежности, темпоральности, аспекта, лексико-грамматические

разряды переходности и непереходности, которые рассматриваются в разных разделах грамматической науки.

5. Формы актива, пассива, рефлексива, реципрока и социатива, каузатива в башкирском языке образуются различными способами. Они исключительно разнообразны по своим значениям, характеризуются специфическими особенностями, которые выражаются в синтаксических конструкциях.

6. В башкирском языке функционируют сложные залоговые формы, которые образуются при помощи основы глагола и нескольких залоговых аффиксов.

Методы исследования. Диссертационное исследование проводилось в рамках функционально-семантического подхода с применением разнообразных методов лингвистического анализа: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, контекстологический, структурно-семантический, компонентный анализ языковых единиц.

Материалом исследования послужили произведения классической и современной башкирской литературы, произведения устного народного творчества, материалы периодической печати, словари башкирского языка. Богатство фактического материала, его разнообразие и многоплановость позволили выявить разноуровневые средства репрезентации категории залоговости в башкирском языке.

Апробация работы и внедрение результатов исследования. Материалы диссертации прошли научную апробацию в виде выступлений на заседаниях кафедры башкирского языка в Стерлитамакском филиале Башкирского государственного университета. Основное содержание работы получило освещение в 32 статьях, в том числе в научных изданиях, рекомендованных ВАК для публикации материалов докторских диссертаций – 10 статьях, в двух монографиях: «Залог глагола и залоговость: история и современность» (2012 г.), «Функционально-семантическая категория залоговости в башкирском языке» (2012 г.). Результаты исследования отражены в выступлениях и докладах, сделанных на научно-практических конференциях различного уровня: международных (Москва, 2012; Казань, 2009, 2011; Владикавказ, 2010; Уфа, 2009, 2010, 2011; Стерлитамак, 2009, 2010, 2011, 2012), республиканских (Уфа, 2009, 2010; Стерлитамак, 2009) и в сборниках научных трудов (Уфа, 2009, 2010; Москва, 2010; Горно-Алтайск, 2011; Стерлитамак, 2011) и в научных журналах (Санкт-Петербург, 2011, 2012). Положения и результаты диссертационного исследования внедрены в научную проектную деятельность Научно-внедренческого центра Международного исследовательского института (г. Москва).

Рукопись диссертации обсуждена на заседании кафедры башкирского и общего языкознания Башкирского государственного университета.

Теоретический и фактический материал диссертационного исследования используется при чтении лекций по морфологии башкирского языка для студентов 4 курса факультета башкирской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Структура и объем исследования. Диссертация состоит из введения, 7 глав, заключения, библиографии и списка источников языкового материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования и раскрывается степень изученности проблемы; определяются объект и предмет исследования; формулируются цель и задачи; рассматриваются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; формулируются основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту; выделяются принципы и методы; даются сведения об апробации результатов исследования; описывается структура работы.

В первой главе «**История становления и развития учения о залогах глагола и залоговости**», состоящей из четырех разделов, излагаются общетеоретические проблемы, дается историко-лингвистический анализ литературы по вопросам залога в русском языкознании, в тюркологии и в башкирском языкознании. Освещаются теоретические вопросы функциональной грамматики, раскрывается сущность функционально-семантического подхода к исследованию залоговости.

В первом разделе рассматривается **история изучения залога глагола в русском языкознании**, прослеживается путь развития учения о залогах.

Система залогов должна охватить все существующие в языке глаголы, считали древнеиндийские, древнегреческие, римские и латинские языковеды. Исследования древних языковедов послужили основой для изучения залоговой проблематики в лингвистике. В понятие залога вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое лексико-грамматическое содержание. М.В. Ломоносов первым подробно рассматривал категорию русского залога: «**Действительный глагол значит деяние, от одного к другому переходящее и в нем действующее: *возношу, мою*. Страдательный глагол значит страдание, от другого происшедшее: *составляется из причастий страдательных и из глагола *есмь* или *бываю*...*** Возвратный глагол значит действие и страдание, от себя самого на себя же происходящее; **составляется из действительного глагола и слога *-ся* или *-сь*: *возношусь, моюсь*. Взаимный глагол **составляется из действительного или среднего глагола и *-сь* или *-ся*: значит взаимное двух деяние: *борюсь,*****

знаюсь, хожусь. Средний глагол кончится как действительный и значит деяние от одной вещи к другой не переходящее: *сплю, кланяюсь*» [Ломоносов 1898]. Это определение и послужило толчком для развития лингвистической мысли в области залогов.

Существенную роль в процессе разработки теории залога сыграли исследования А.Х. Востокова, В.И. Даля, Н.П. Некрасова. Известно, что в конце XIX в. учение о залогах Ф.Ф. Фортунатова и его учеников, Г.К. Ульянова и В.К. Поржезинского, построенное на принципе соотносительности грамматических форм и значений, ознаменовало собой новый этап в изучении залогов. Учение о залогах Ф.Ф. Фортунатова и его учеников уточнило и объединило то, что было наиболее ценным в этой области. Взгляды Ф.Ф. Фортунатова на залог оказали значительное влияние на последующие грамматические суждения о залогах.

По мнению А.А. Потебни, залоговое значение возникает и осуществляется в предложении, в составе которого слово только и живет настоящей индивидуальной жизнью. Идеи А.А. Потебни отражены в исследованиях его ученика А.В. Попова. Вслед за А.А. Потебней и Д.Н. Овсяннико-Куликовским А.А. Шахматов признавал, что фундаментом учения о залогах является признак переходности и непереходности. А.А. Шахматов, как и Ф.Ф. Фортунатов, полагал, что наряду с глаголами, обозначающими залоговые различия, в русском языке много глаголов, не подводимых под категорию залога из-за отсутствия соотносительных форм (например, *идти, долженствовать, возненавидеть, бояться*). В работах Л.Л. Буланина, И.П. Мучника, Н.А. Янко-Триницкой содержится своеобразная трактовка ряда явлений в сфере залога.

В.В. Виноградов утверждал, что в русском языке категория залога прежде всего выражается в соотношении возвратных и невозвратных форм одного и того же глагола. В основе этого явления лежит синтаксическое свойство глагола воспроизводить оттенки одного общего грамматического понятия (отношения действия к субъекту и объекту) соотносительными формами – основной и производной, осложненной агглютинативным аффиксом *-ся* [Виноградов 1972]. В.В. Виноградов, отмечая неоднородность семантической природы залога, полагал, что категория залога находится на границе между грамматикой, лексикологией и фразеологией, в области грамматики – ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова.

С категорией залога лингвисты связывают морфологические, синтаксические, лексические явления, описание которых на основании единого принципа является весьма затруднительным, и в связи с этим природа категории залога и залоговости во многом продолжает оставаться дискуссионной. Данная проблема является дискуссионной и в тюркологии.

История изучения залоговых форм глагола в тюркологии насчитывает не одно столетие. Значительный интерес к проблеме залога проявляли еще авторы первых грамматик тюркских языков, предметом дискуссии которых явилась характеристика залоговых форм и состав залоговой парадигмы (И. Гиганов, К. Насыров, М. Иванов, Н. Остроумов, А.С. Архангельский, А.К. Казем-Бек, Н.Ф. Катанов, Г. Фаезханов и др.). Наиболее интенсивное изучение проблемы залогов в тюркских языках началось в 50-е годы XX в. Языковеды по-разному определяли как содержание, так и объем категории залога. Тюркологи дают различные определения залогу: 1) отношение действия к субъекту и объекту (А.Х. Фатыхов, Х. Якубова, А.А. Азер, С. Кудайбергенов, А.К. Хасенова, В.Н. Хангильдин); 2) отношение действия к действующему лицу (М.З. Закиев, А.М. Щербак, В.И. Асланов); 3) отношения между действием и субъектом (А.А. Юлдашев, Б.А. Серебренников, С.Н. Иванов); 4) отношения между субъектом (производителем действия) и объектом, находящие свое выражение в форме глагола (Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов, К.М. Любимов, У.Б. Алиев); 5) отношения между действием и субъектом действия (Э.В. Севортян, Л.Н. Харитонов, Н.Н. Джанашиа). Приведенные определения залога не могут быть признаны вариантами одной и той же интерпретации сущности категории залога.

Спорным остается рассмотрение залога с точки зрения ее категориального статуса и места в грамматической системе языка, поскольку залог рассматривался 1) как грамматическая категория (С. Кудайбергенов, Б.Ч. Чарыяров, Э.В. Севортян, А.Х. Фатыхов и др.); 2) как категория словообразовательная (Н.А. Баскаков, Н.К. Дмитриев, Б.А. Серебренников, К.М. Любимов, А.Н. Кононов, А.А.Юлдашев, Ф.А. Ганиев и др.); 3) как категория словоизменительная (В.Г. Гузев, Н.Э. Гаджихамедов и др.); 4) как категория формообразовательная (К.М. Любимов, А.Н. Кононов, В.Г. Гузев и др.); 5) как сложная лексико-грамматическая категория (М.З. Закиев, Л.Н. Харитонов, К.З. Зиннатуллина и др.).

Большинство ученых (Н.А. Баскаков, С. Кудайбергенов, Б.Ч. Чарыяров и др.), рассматривающих залог в рамках той или иной категории, отмечают проблематичность определения места залога в системе словообразования, словоизменения, формообразования и т.п.

Среди тюркологических исследований последних лет несомненный интерес представляют исследования Ф.А. Ганиева, Н.Э. Гаджихамедова, Б.А. Мусукова, Н.Д. Алмадаковой А.И. Геляевой и других ученых.

Таким образом, категория залога в тюркологии достаточно полно описана. Вместе с тем в настоящее время спорным остается вопрос трактовки этой категории, ее категориального статуса и места в системе языка, а также ее функционально-семантическая сфера.

Категория залога глагола в башкирском языкознании в той или иной степени раскрывается в исследованиях Н.К. Дмитриева, Дж.Г. Киекбаева, М.В. Зайнуллина, Н.Х. Ишбулатова, С.Ф. Миржановой, К.З. Ахмедова, К.Г. Ишбаева, М.Х. Ахтямова, Т.М. Гарипова, А.А. Юлдашева, Р.З. Мурясова, А.Х. Фатыхова, М.А. Ахметова, Г.Р. Абдуллиной, М.И. Дильмухаметова и др.

Ведущий тюрколог Н.К. Дмитриев, впервые поставивший вопрос о залоговых формах в башкирском языке как об особой грамматической категории, считал, что залогом называется такая глагольная категория, которая устанавливает отношения между субъектом и объектом действия и характеризуется специальным аффиксом. Дж.Г. Киекбаев определял залог как значение действия или деятельности глагола, направленного к объекту или субъекту. А.А. Юлдашев, как и Н.К. Дмитриев, утверждал, что выделение категории залога в тюркских языках производится по так называемым залоговым аффиксам. Ученый заметил, что не каждый залоговый аффикс в башкирском языке является выразителем грамматической категории залога. А.Х. Фатыхов рассматривает залог глагола как грамматическую категорию. Функцию залога А.Х. Фатыхов определяет как указание на характер возникновения и совершения действия путем обозначения отношения действия к субъекту как предмету или субъекту действия.

Категория залоговости принадлежит к одной из наиболее интересных, сложных и актуальных проблем башкирского языкознания, да и лингвистики в целом. Традиционное толкование категории залога в башкирском языке не затрагивает функционально-семантическую сферу реализации залога. В башкирском языкознании нет специальных исследований по категории залоговости.

Четвертый раздел первой главы посвящен определению сущности **функционально-семантического подхода** к категории залога. Существенную роль в разработке теории функциональной грамматики сыграли исследования А.А. Холодовича, В.С. Храковского, А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина, В.П. Недялкова, Э.Ш. Генюшене и других ученых. Функционально-семантический подход дает 1) возможность по-новому исследовать такие сущностные характеристики языка, как соотношение логических понятий и грамматических категорий, взаимодействие лексики и грамматики; 2) возможность интегрировать разноуровневые языковые средства – морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические – на базе общности их функций. Согласно теории функционального подхода к изучению залоговости оппозиция активность/пассивность представляет центральное поле залоговости или ядро поля. Периферийную зону поля залоговости составляют личность/безличность, взаимность, переходность/непереходность, оппозиция возвратных /невозвратных глаго-

лов в составе соответствующих синтаксических конструкций. Нельзя считать приемлемым такой подход для башкирского языка, поскольку залоговые признаки в башкирском языке отличаются от залоговых признаков русского языка. При исследовании залоговости в башкирском языке в функционально-семантическом аспекте необходимо учитывать грамматические свойства башкирского языка. В башкирском языке основанием для рассмотрения залоговости в функционально-семантическом плане служат, с одной стороны, различия функционально-семантических полей активности, пассивности, рефлексивности, поля реципрока и социатива, каузатива, а с другой – наличие между ними определенной общности. Общность заключается в том, что во всех случаях речь идет о той или иной характеристике действия в его отношении к субъекту и объекту. Этот общий признак указанных полей позволяет интегрировать их в составе функционально-семантической категории залоговости. Залоговость рассматривается нами как функционально-семантическая категория (комплекс функционально-семантических полей), центр (исходную форму) которой образует актив, периферию образуют пассив, рефлексив, реципрок и социатив, каузатив.

Во второй главе «Актив как центр функционально-семантического поля залоговости в башкирском языке» дается обзор интерпретации актива в тюркологии, рассматривается структура активных форм, выделяются и описываются их семантические типы, анализируются синтаксические функции.

Для понимания характера актива принципиальным представляется обзор интерпретаций основного залога (актива). То, что принято выделять как основной залог, представляет собою лексическую основу глагола. При залогообразовании она выступает как материальная база основообразования, т.е. исходный глагол участвует в залогообразовании лишь своим валентностным потенциалом и лексическим значением. Существуют различные точки зрения на трактовку основного залога: 1) полное отрицание основного залога; 2) рассмотрение в качестве двух самостоятельных залогов – действительного и среднего; 3) признание его исходной формой для образования косвенных залогов.

Традиционно под основным залогом понимаются все глаголы без залоговых аффиксов, т.е. все формы, не осложненные этими аффиксами. В некоторых тюркологических исследованиях исходные формы глагола исключались из системы залогов (А. Казем-Бек, Х. Феизханов, М. Махмудов, Л. Залий, В.Г. Гузев, Х.Г. Нигматов). Другая точка зрения в трактовке основного залога сводится к тому, что в его составе различаются два самостоятельных залога – действительный и средний (У.Б. Алиев, К.М. Любимов, С. Джафаров). Некоторые тюркологи основной залог трактуют как исходную форму по отношению к косвенным залогам (Н.А. Баскаков,

Г.Д. Санжеев, К.З. Зиннатуллина). Также встречается термин *неоформленный залог* (Н.К. Дмитриев, С. Джафаров). Сами понятия *исходный* и *неоформленный* ассоциируются с глаголами корневыми.

Актив (от лат. *actives* – деятельный, действительный) – применительно к лексике обозначает деление глаголов на активные (глаголы действия) и стативные (глаголы состояния). Функционально-семантический подход к категории залоговости предполагает рассмотрение активных и стативных глаголов не только в лексическом плане, но и в семантическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и т.п. аспектах. *Активность* – это представление действия как исходящего от субъекта, который выступает в позиции подлежащего или какого-либо носителя предикативного признака. В системе залогов башкирского языка наиболее активны, на наш взгляд, именно исходные глаголы, так как они участвуют в образовании всех косвенных залогов.

Во втором разделе рассматривается **структура активных форм**. Актив (исходная форма залога глагола) не характеризуется специальным показателем. С точки зрения структуры актив в башкирском языке представлен следующими типами глаголов:

1. Корневые, представляющие в основном односложные глаголы, типа *яз-* «писать», *ал-* «брать», «взять», *һыз-* «чертить», *бар-* «идти», «ходить» и т.д.

2. Производные глаголы, которые образуются от имен существительных и других частей речи, а также междометий, звукоподражающих и образоподражающих слов посредством специальных глаголообразующих аффиксов, наиболее продуктивными из которых являются аффиксы: *-ла/-лә;* *-лан/-лән;* *-лаш/-ләш;* *-й,* *-ай/әй;* *-р,* *-ар/-әр,* *-ыр/-өр,* *-ор/-өр;* *-ылда/-әлдә,* *олда/-әлдә*. Глаголообразующие аффиксы *-а/-ә;* *-ы/-е;* *-ык/-өк;* *-кар/-кәр,* *-ғар/-ғәр;* *-һы/-һө,* *-һо/-һө;* *-һын/-һән,* *-һон/-һөн;* *-һыт/-һөт,* *-һот/-һөт;* *-һыра/-һәрә,* *-һора/-һәрә;* *-л,* *-ал/-әл,* *-ыл/-өл,* *-ол/-өл;* *-н,* *-ан/-ән,* *-ын/-өн;* *-т,* *-ат/-әт,* *-ыт/-өт;* *-лык/-лек,* *-лок/-лек;* *-ра/-рә* характеризуются меньшей степенью продуктивности.

Некоторые залоговые аффиксы с течением времени вошли в состав аффиксов производных глаголов. Например, форманты, образующие производные формы глаголов *-лан/-лән,* *-лаш/-ләш,* *-лаштыр/-ләштәр,* *-ландыр/-ләндәр* формировались посредством словообразовательного аффикса *-ла* и залоговых аффиксов *-н,* *-ш,* *-тыр/-тәр,* *-дыр/-дәр*: *уртак-лаш-«поделиться», дус-лаш-«подружиться», көс-лән-«стать сильным»* и т.п. Обычно принято считать, что в сферу актива входит нулевая залоговая форма переходных и непереходных глаголов. В действительности сфера актива гораздо шире. В нее входит также и значительная часть глаголов, осложненных той или иной формой залога, но не имеющих значение дан-

ного залога. Ни один аффикс, посредством которого образуется тот или иной залог, не является исключительно залоговым. В ряде случаев эти аффиксы имеют в большей степени словообразовательное значение, чем залоговое. В связи с этим необходимо уточнить, что в сферу актива входят все глаголы, не укладываемые в сферу косвенных залогов, вне зависимости от наличия при них аффикса того или иного залога. В сферу актива, помимо нулевых залоговых форм, входит множество образований с аффиксами пассива (страдательного залога), рефлексива (возвратного залога), реципрока и социатива (взаимно-совместного залога) и каузатива (пониженного залога). Это словообразовательные формы с аффиксом пассива: *һуғ-ыл-* «забрести», *тот-он-* «держаться», *бас-ыл-* «успокоиться», *тәрт-өл-* «натянуться», глаголы с формантами рефлексива: *каб-ын-* «воспламеняться», *таб-ын-* «поклоняться», формы с аффиксом реципрока и социатива: *бул-ыш-* «помогать», *яра-ш-* «мириться», *кат-ыш-* «участвовать», *кил-еш-* «помириться», каузативные формы, не имеющие значения каузации, т.е. принуждения: *төз-әт-* «выпрямлять», *яра-т-* «любить», *кил-тер-* «принести», *окша-т-* «одобрять».

Производные глаголы в башкирском языке являются составными глаголами и представляют собой устойчивые сочетания, состоящие 1) из деепричастия на *-п* и глагола: *язып алыу* «записать», *килеп етеу* «приехать», *карап ебәреу* «бросить взгляд»; 2) из имени существительного и глагола: *хис итеу* «чувствовать», *күңел асыу* «веселиться», *күз төшөу* «влюбиться», *ғашик булыу* «влюбиться»; 3) из имени прилагательного или наречия и глагола: *сабыр булыу*, *сабыр итеу* «быть терпеливым», *һау булыу* «быть здоровым»; 4) из звукоподражающих и образоподражающих слов и глагола: *шарт итеу* «обломиться с треском», *ялт итеу* «сверкать», *гәлт итеу* «вспыхнуть ярким пламенем»; 5) из модальных слов и глагола: *юк итеу* «уничтожить», *бар булыу* «быть», *кәрәк булыу* «быть нужным».

К производным глаголам относятся также парные глаголы: 1) близкие по значению глаголы, типа: *колай-тәгәрәй*, *илай-һыктай*, *бәрелә-һуғыла*, *ашап-эсеп*, *һығыла-бөгелә*, *йырлап-бейеп*, *вата-өмерә*; 2) противоположные по значению глаголы: *кайта-китә*, *ина-сыға*, *бара-китә*.

Таким образом, корневые глаголы с неразложимой глагольной основой составляют основной фонд глагольной лексики, являются исходной формой для образования косвенных залогов. Состав глаголов актива увеличивается за счет производных залоговых форм. Некоторые залоговые аффиксы с течением времени вошли в состав аффиксов производных глаголов, в связи с этим формальные показатели залогов употребляются в незалоговом значении.

В третьем параграфе рассматриваются семантические типы активных форм. В семантическом плане в башкирском языке актив обозначает

процесс, носителем или производителем которого является субъект. При глаголах активного действия производителем действия выступает грамматический субъект. Если глагол активного действия является переходным по значению, то действие, выполняемое субъектом-подлежащим, может быть направлено на объект: *Өйҙән йөкмәп килгән азыктарыбыҙҙы ашаның* (М. Ғарим) «Кушали еду, которую принесли с собой». Если же глагол активного действия является непереходным, то действие, совершаемое субъектом, замыкается в его сфере: *Уға яҙам итә алмауы өсөн кәйһәнә* (Б. Бикбай) «Он переживает из-за того, что не может помочь». Бесспорно, что категория залога в башкирском языке, в том числе и актив, связана с переходностью и непереходностью глагола. Например, пассив (страдательный) и рефлексив (возвратный залог) в большинстве случаев образуются от переходных глаголов, а реципрок (взаимный) и каузатив (понудительный залог) образуются, как правило, от непереходных глаголов. Что касается актива, то в зависимости от лексических значений и грамматических функций глаголы могут быть переходными и непереходными. Переходные глаголы по своим лексическим значениям обозначают абстрактные процессы, в грамматических функциях их семантика конкретизируется, т.е. их грамматическая функция направлена к объекту: *китап укы «читай книгу», уларҙы күр «их смотри», докладты тыңла «слушай доклад», уҡыусыны макта «похвали ученика», ишекте ас «открой дверь»* и т.п. Непереходные глаголы по своим лексическим значениям более конкретны. Обычно они обозначают действие или состояние определенного субъекта: *кил «иди», мен «залезь», ире «растай», йүгер «бегги», йокла «спи», кайғыр «переживай»; «горюй», шатлан «радуйся»* и т.п.

Глаголы актива в башкирском языке представлены различными лексико-семантическими разрядами: глаголы, обозначающие движение, мышление, психическое состояние или эмоции, физическое состояние; конкретного действия; глаголы речи; глаголы, образованные от звукоподражательных слов и междометий с семантикой звучания; глаголы, выражающие количественные и качественные изменения.

Заметим, поле активности – это группировка разноуровневых (лексических, морфологических, семантических и синтаксических и т.п.) средств языка, служащих для выражения различия в способе представления отношения действия к субъекту и объекту (в зависимости от их соответствия тому или иному элементу структуры предложения). Активность – это, прежде всего, представление действия как исходящего от субъекта, который выступает в позиции подлежащего. *Егөт һыу буйына карай йүгерҙе* (Б. Ноғоманов). В данном примере *йүгерҙе «пожалал»* – это действие, исходящее от субъекта (*егөт «юноша»*), который выступает в позиции подлежащего. Активные конструкции указанного типа, т.е. подлежащно-

сказуемые, рассматриваются как исходно-субъектные («субъектно-ориентированные»). Исходно-субъектная ориентация действия в активе определяется тем, что активность в подлежащно-сказуемых конструкциях связана с таким представлением предиката, при котором субъект получает наиболее высокий ранг, выполняя функцию подлежащего, а объект (если он есть) занимает более низкую позицию, выступая в роли прямого или косвенного дополнения.

В конструкциях, где подлежащее как особый, вербально выраженный член предложения отсутствует, включается понятие носителя предикативного признака. Этот признак содержит как подлежащее, так и другие разновидности того элемента синтаксической структуры предложения, которому приписывается предикативный признак. Можно выделить следующие типы синтаксических конструкций, где подлежащее как особый, вербально выраженный член предложения отсутствует:

1. Определенно-личные предложения, не содержащие вербально выраженного подлежащего, в которых сказуемое реализует действие субъекта 1-го, 2-го, 3-го лица в единственном числе: *Әзәбиәт укытыусыны Баһау апайзы бик яратабыз* (Б. Бикбай) *һаман да шул, үз көшөбез тип, уны ситкә катмайбыз* (Н. Дәүләтшина) (субъект отсутствует, однако он определяется как форма 1-го лица множественного числа, т.е. мы). *Хәзер Любаны өбөрәм. Бер былай, бер тегеләй үтһәм, шик тыуырырмын. Кескәй баланы абайламаһ* (Б. Ногоманов). *Аркапарзы артылғас, һаркыу менән йәнә уйпатка барып төшөһөн* (Ж. Көйөкбаев). В рассматриваемых примерах нет вербально выраженного подлежащего, носителю предикативного признака соответствуют семантические субъекты *я, он(а), ты*.

2. Неопределенно-личные предложения, в которых сказуемое выражает действие субъекта 3-го лица множественного числа: *Безгә ғәскәри кейем бирҙеләр. Оҙаҡ кына тынып ултырҙылар* «Долго сидели молча» (З. Бишшәева). *Бөсәндән һунлатып кына кайттылар, иртәгә ял итергә булдылар* (Н. Дәүләтшина). В данных конструкциях носителю предикативного признака соответствует семантический субъект, выступающий как неопределенное лицо. Данное соответствие дает основание полагать, что рассматриваемые неопределенно-личные конструкции являются активными.

3. Обобщенно-личные предложения также целесообразно рассматривать как активные, где субъект, обозначающий действие, обобщается и реализуется формой 2-го лица единственного числа: *Ни сәсһән, шуны урырһың* (Мәкәл). *Якшынан калма, яманға аяҡ басма* (Мәкәл). В обобщенно-личных конструкциях семантический субъект не выражается вербально, носитель предикативного признака совмещается с предикатом в одной глагольной словоформе.

Следует отметить, что для выражения значения актива важную роль играет интерпретационный компонент. Трактовка актива как беспризнакового члена оппозиции активных/пассивных конструкций позволяет считать, что все те конструкции (кроме рефлексивных, реципрокных и социативных, каузативных конструкций), которые не являются пассивными, следует рассматривать как активные. Этот принцип помогает установить залоговую принадлежность глагольных форм в ряде «трудных случаев» и в башкирском языке, когда в предложении нет явного положительного признака актива – ни подлежащего («субъект/подлежащее»), ни какого бы, то ни было другого носителя предикативного признака («субъект/носитель предикативного признака»). Таковы, например, некоторые типы инфинитивно-модальных конструкций в башкирском языке, где не имеется субъект действия: *Бер нисә кән эшһеҙ калырға тура килдә* (М. Ғафури). *Тырышып уқырға кәрәк*. *Юк, нис былай калдырырға ярамай* (Ф.Исәнғолов). *Бына тирмә һытына, ана сауыллыҡка барып уйнарға мөмкин* (Т.Хәйбуллин). К «трудным случаям» относятся некоторые типы безличных предложений, где сказуемое выражается наречием и вспомогательными глаголами, типа *ине, бул, булып кит, булып кал*, а также глаголами с аффиксами *-ып/-әп* и вспомогательными глаголами *була/булмай*: *Бик урынлы тип әйтәп булмай* «Нельзя сказать, что уместно». *Бер юлы ике кәмәнен койроғон тотоп булмай* (Мәкәл). *Иртәнсәк тыныс ине* (Н. Мусин). *Унан инде культура объекттарына тотонорға була* (Н. Мусин). В приведенных примерах отсутствие признаков пассивности позволяет отнести эти конструкции к активу.

В разделе «Синтаксические функции актива» рассматриваются глаголы актива с точки зрения синтаксической роли в предложении. Глаголы актива могут выполнить в предложении функции главных и второстепенных членов предложения: подлежащего, сказуемого, определения, дополнения, обстоятельства, принимая для этого соответствующие функциональные формы. Реализация глагола актива в предложении имеет особые условия, отличающие его от остальных частей речи. Глагол актива сначала приобретает ту или иную функциональную форму в зависимости от роли в предложении и только затем вступает в те или иные отношения членов предложения, принимая соответствующие аффиксы словоизменения.

В третьей главе «Функционально-семантическое поле пассива в башкирском языке», состоящей из пяти разделов, дается краткий обзор концепций пассива в тюркологии, выявляется существование в башкирском языке оппозиции актива/пассива, рассматриваются способы образования пассивных форм, анализируются семантические типы и синтаксические конструкции пассива.

В первом разделе дана теоретическая концепция пассива в тюркологии. Анализ существующих работ по проблеме пассива (страдательного залога) в тюркологии (Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, А.М. Щербак, Б.А. Серебренников, Э.В. Севортян, С. Кудайберген, Б.Ч. Чарыяров, В.С. Храковский, Б.Н. Головин, А.Н. Кононов, М.З. Закиев, К.М. Любимов, Л.Н. Харитонов, В.Г. Гузев, Э.И. Фазылов, Э.А. Грунина, К.З. Зиннатуллина, А.И. Геляева, А.Г. Ганиев, Р.С. Газизов, А.Х. Фатыхова, А.А. Юлдашев и др.) убеждает, что многие вопросы, в частности смысловые, функционально-семантические поля, а также словообразовательные формы, до сих пор остаются дискуссионными, не нашедшими однозначного решения. В тюркологии существуют различные точки зрения на суть значения и формы, а также на образование пассивных форм глагола. В некоторых концепциях отмечается близость страдательного залога глагола по значению и по форме к возвратному залого.

Во втором разделе выявляется существование в башкирском языке оппозиции **активность/пассивность**. С функциональной точки зрения проблема оппозиции активность/пассивность описана А.В. Бондарко, который считает, что наиболее высокое положение в иерархии полей залоговости занимает поле активности/пассивности.

Активные и пассивные конструкции в башкирском языке характеризуются тем, что, во-первых, исходной, отправной точкой высказывания служит носитель действия, признака *Унытыусы дәфтерҙе тикшерҙе*, а в случае *Дәфтер унытыусы тарафынан тикшерелде* на первый план выдвигается объект действия, деятельности. Трансформация активной конструкции в пассивную вызывает перераспределение рангов по степени важности. Подлежащее в активной конструкции является единицей наиболее высокого ранга, а объект действия занимает по отношению к субъекту положение более низкого ранга. Например, в активной конструкции: *Эшселәр бөсән ташынылар, утын ярзылар*, подлежащее *эшселәр* «рабочники» – это единица наиболее высокого ранга, а *бөсән* «сено», *утын* «дрова» – это объекты действия, занимающие более низкое положение по отношению к субъекту. В пассивной синтаксической структуре высшим синтаксическим рангом наделяется объект действия. При трансформации приведенной выше активной конструкции в пассивную (*Эшселәр тарафынан бөсән ташылды, утын ярылды*) объекты действия *бөсән* «сено», *утын* «дрова» наделяются высшим синтаксическим рангом. Таким образом, чередование форм актива и пассива представляет собой сдвиг фокуса внимания при одной и той же ситуации.

В башкирском языке можно выделить следующие типы трансформации активных форм в пассивные:

1. Исходно-субъектные (подлежащно-сказуемые) активные конструкции трансформируются в исходно-объектные пассивные синтаксические структуры: *Малай шиғыр һейләне* и *Шиғыр малай тарафынан һейләнелде*.

2. Конструкции, в которых подлежащее как особый вербально выраженный член предложения отсутствует, но имеется носитель предикативного признака, который является более широким понятием, чем подлежащее. Как известно, оно включает как подлежащее, так и другие разновидности того элемента синтаксической конструкции, которому приписывается предикативный признак: а) трансформация активных неопределенно-личных конструкций, в которых сказуемое выражает действие субъекта 3-го лица множественного числа в пассивную. Например, активная конструкция: *Безгә мактау кағызы менән бергә сәскәләр тапшырылар* трансформируется в пассивную: *Безгә мактау кағызы менән бергә сәскәләр тапшырылды*. Активная синтаксическая структура: *Озақ кына ултырылар* и пассивный эквивалент: *Озақ кына ултырылды*; б) обобщенно-личные конструкции, рассматриваемые как активные, где субъектобозначающий действие обобщается и выражается формой 2-го лица единственного числа глагола, трансформируются в пассивные: *Иртәгә ауылға озат*. *Иртән ауылға озатылды*.

в) безличные пассивные конструкции, имеющие активный эквивалент: *хат язылды – хат язды*; *йыр йырланды – йыр йырланы*; *иртә барылды – иртә барды*; безличные предложения, обозначающие явления природы: *вулкан атты – вулкан атылды*; г) безличные предложения, где действие протекает самопроизвольно, здесь и нет связи между действием и субъектом, действие происходит помимо участия субъекта, однако оно тем не менее относится к говорящему лицу или субъекту, т.е. воспринимается как совершаемое или совершенное субъектом: *артык күп ашаным* и *артык күп ашалған*; *һөтләп сәй эстем* и *һөтләп сәй эселде*.

Надо отметить, что образование залогов по принципу трансформации (актив – в пассив, пассив – в актив) несколько сужает их значение и ограничивает рамки залогов, показывающих разнообразные оттенки возникновения и совершения действия.

В башкирском языке и активные формы могут образоваться как от переходных, так и от непереходных глаголов. Пассивная форма образуется, как правило, от переходных глаголов: *төзөү – төзөлә*, *әйтеү – әйтелә*, *күреү – күрәлә*, *эшләү – эшләнә*. Однако пассивные формы могут быть образованы и от непереходных глаголов: *йүгерәү – йүгерелде*, *ауырыу – ауырылды*, *аптырау – аптыралды*.

Временные формы в активе имеют пассивные эквиваленты. Например: активность/пассивность в настоящем времени: *төзөй – төзөлә*, *йыуа*

– *йыуыла, һибә – һибелә*; активность/пассивность в определенном прошедшем времени: *төҙөнә – төҙөлдө, йыуы – йыуылды, һипте – һибелдө*; активность/пассивность представлены в неопределенном будущем времени: *төҙәр – төҙөләр, йыуыр – йыуылар, һибәр – һибеләр*.

Что касается числовой парадигмы активности/пассивности в башкирском языке, то она образуется с помощью одних и тех же аффиксов: *төҙәй-зәр – төҙөлә-ләр; йыуа-лар – йыуыла-лар*. Для выражения числовой парадигмы используются одни и те же аффиксы и для актива, и для пассива, которые употребляются после залоговых аффиксов.

Башкирскому языку свойственна оппозиция активность/пассивность, хотя эта оппозиция не проявляется последовательно и системно, поэтому невозможно дать конкретное определение оппозиции активности и пассивности, которое было бы действительно для всех случаев употребления.

В третьем разделе рассматриваются способы **образования пассивных форм**. В башкирском языке пассив обозначает действие, которое совершается грамматическим объектом и переходит на грамматический субъект. Иначе говоря, при страдательном залоге грамматическое подлежащее оказывается логическим объектом, а грамматическое дополнение – логическим субъектом. Например: *Билдә укытыусы тарафынан хушылды*. *Билдә* является грамматическим субъектом, но логическим объектом, *укытыусы* – грамматическим объектом, но логическим субъектом. В башкирском языке подлежащее в пассивных конструкциях является грамматическим подлежащим, действующим пассивно. Активно действующее подлежащее является логическим подлежащим. Например. *Әкиәт дейм халык тарафынан үзгәртеләп, шымартылып, эшләп бара (Ғ. Амантай)*. *Әкиәт* – пассивно действующее, грамматическое подлежащее, *халык* – активно действующее, логическое подлежащее.

Пассив образуется главным образом переходными глаголами, так как указывает на то, что предмет подвергается действию другого предмета или лица: *ябыу – (ишәк) ябылыу; төгөү – (күлдәк) төгөлөү*. В башкирском языке пассивная форма образуется как от переходных, так и от непереходных глаголов с грамматически выраженным носителем глагольного признака: *ултырыу – ултырылыу; йөрөү – йөрөлөү*. В большинстве случаев пассив образуется глаголами, обозначающими действия, начало, продолжение и приостановление которых зависит от воли носителя глагольного признака: *йөрөү – йөрөлөү, биреү – бирелөү, күнөгөү – күнөгелөү* и т.п.

Пассив, образованный непереходными глаголами, выражает действие, которое субъект совершил как бы невольно. Например: *Бөгөн оҙак йотланылған. Кисә күп йөрөлгән. Кисән оҙак ултырылған*. В данном значении актив создается также и отдельными переходными глаголами, типа *аша-, эс-, сап-, әйт-*: *Кисә бик күп ашалған, күп эсәлгән. Бөгөн бик күп бәсән сабылған. Ҡызыулыҡ менән карамәгән һүҙҙәр әйтелгән*.

Образование актива в башкирском языке производится залоговыми аффиксами: а) *-ыл/-ел, -ол/-өл*, выступающими после основ на согласный: *яз –яз-ыл, эс –эс-ел, төзө –төзө-л, йырт – йырт-ыл*; б) *-н, -л*, присоединяющимися к основам на гласный: *ташла – ташла-н, башла – башла-н, бизә – бизә-н, макта – макта-л, буя – буя-л*; в) *-ын/-ен, -он/-өн* (после основы на -л): *һал – һал-ын, ал – ал-ын*.

Употребление аффикса *-ын/-ен, -он/-өн* для выражения значения страдательного залога определяется фонетическими причинами, а именно наличием в составе указанных глагольных форм звука *л*, не допускающего употребления показателя страдательного залога *-л*. Для основы, оканчивающейся на гласный *-л*, формы актива и рефлексива совпадают. Это позволяет говорить о том, что когда-то эти два залога существовали как один страдательно-возвратный залог. Сущность пассива заключается в актуализации объекта действия путем выдвижения его в позицию подлежащего, заслоняя тем самым роль субъекта, который в силу этого обычно отсутствует в данном высказывании: *эш бирәлдә, хат язылды, ағас ултыртылды, ҡарар сығарылды*.

Пассивы близки по значению и по форме к рефлексиву. Они обозначают действие, которому данный предмет подвергается со стороны (пассивное значение), и действие, которое данный предмет направляет на себя или совершает для себя (рефлексивное значение). Показателем рефлексива в башкирском языке является аффикс *-ын*, который образует непреходный глагол от переходного (*ййу – ййуын, тара – таран, һөрт – һөртөн, кей – кейен, сис – сисен, бизә – бизән, әзәрлә – әзәрлән* и т.п.). Рефлексив (возвратный залог) обозначает действие, направленное не к объекту, а на само субъект. Грамматические значения пассива и рефлексива (страдательное и возвратное) различаются в контексте. Например: *Хужалар тарафынан ҡунактарға муп өстәл әзәрләнде* («*әзәрләнде*» употреблено в пассивном значении) и *Тимер ҡәләше менән оһрашыуға етди әзәрләнде: яңы күлдәк, яңы ғалстук, яңы салбар һатып алды* («*әзәрләнде*» в данном случае употреблен в рефлексивном значении).

В целом ряде глаголов пассивная форма залога выполняет двоякую функцию: 1) вовлекает исходное значение основы в пассив (*асыл- «открыться»; буял- «быть покрашенным»; бирел- «быть отданным»; 2) выражает новое лексическое значение (асыл- «проясниться», «очиститься»; раскрыться», «выясниться неожиданно»; буял- «вымазаться», «пачкаться»; бирел- «сдаться», «пасть», «увлечься».*

Показатели пассива *-л, -ыл/-ел* существовали еще в тюркских языках, зафиксированных в орхоно-енисейских и других памятниках письменности. Аффиксы *-л, -ыл/-ел* характерны не только для башкирского литературного языка, но и для отдельных говоров, которые свидетельствуют о

древности этих аффиксов. В айском говоре восточного диалекта у некоторых глаголов, образованных аффиксами *-та/-тә/-за*, значение пассива передается аффиксом *-л*, вместо *-н* литературного языка: *биктәл* «закрываюсь» – лит. *биклән*; *таштал* «бросайся» – лит. *ташлан*; *йәктәл* «нагружайся» – лит. *йәклән*, в кызылском говоре в некоторых глаголах пассив оформляется аффиксом *-ылын*: *козаларзы сак аптайтылынды*.

Раздел «Семантические типы пассивных форм» посвящен выявлению различных значений пассива в башкирском языке:

1. Собственно-страдательное значение. Пассивные формы с собственно страдательным значением, как правило, образуются от переходных глаголов и выражают подверженность лица или предмета, представленного как подлежащее, действию извне: *яһал-* «делаться, создаваться кем-либо, чем-либо», *ярыл-* «быть расколотым кем-либо, чем-либо», *ташыл-* «развозиться кем-либо, чем-либо», *кисел-* «быть порезанным кем-либо, чем-либо» и т.д. Значение собственно страдательных форм объясняется тюркологами по-разному. По мнению В.Н. Хангильдина, значения собственно страдательных форм выражаются формой глагола пассивности подлежащего, заключаются в обозначении признака подлежащего. М.З. Закиев считает, что страдательная форма глагола с этим значением выражает пассивность действующего лица. По мнению В.Г. Гузева, собственно-страдательное значение тюркского пассива – это некий образ, в котором отражается и закрепляется такое отношение между действием и предметом, при котором предмет выступает как объект прямого воздействия. Содержание этого образа можно, например, передать выражением «подвергаться прямому воздействию».

Собственно-страдательное значение оформляется в башкирском языке аффиксом *-л* или *-н* и следующим построением предложения: объект ставится в позицию подлежащего в форме неопределенного падежа и, как правило, сопровождается послелогом *тарафынан*, *арҡаһында* или *мөнән* «со стороны кого-то или чего-то». Если субъект выражен личным местоимением, то оно употребляется в форме родительного падежа (*Сәсәә минең тарафтан булэк ителде. Сай һинең тарафтан әзерләнде*). Собственно-страдательное значение образуется глаголами, имеющими субъектно-объектную обратимость. Глаголы с этим значением употребляются преимущественно в письменной речи и реализуются в следующих примерах: *Куз асып йомғансы малайзар тарафынан йоморо таштар за, таяктар за килтерелде* (Һ. Дәүләтшина). *Ауыл эшселәр арҡаһында төзелә. Машина атайың арҡаһында ватылмай. Өлкәндәр хақында хәстәрлек күреү ошоноң мөнән аңлатыла* («Киске Өфө» газитенән). *Уға президент Указы мөнән Һәзиә Дәүләтшина исемендәге дәүләт премияһы бирелде* («Ағизел» журналынан). Собственно-страдательная

семантика пассивных форм может передаваться сочетанием вспомогательного глагола с аффиксом на *-ып/-еп, -оп/-өл* (после согласных), *-п* (после гласных) и глаголами с аффиксом актива *-л, -ыл/-өл, -ол/-өл* или *-н-*: *уйлап табылган, ашап туйылган, йөрөп арылган, эшләп туйылган, көтөп өйрәнелгән* и т.п.

Аффикс *-л-* тесно взаимодействует с аффиксом *-н-*, который во многих случаях имеет значение интенсивности, а также повторяемости действия: *һөйлән- «говорить несколько раз или постоянно», һалын- «класть, быть положенным», һайлан- «выбирать по нескольку раз»* и т.д.

Основное значение собственно-страдательных форм пассива заключается в выражении пассивности действующего лица, т.е. субъект не называется, а подразумевается.

2. Отвлеченно-агентивное значение, суть которого состоит в том, что действие производится абстрактным, неопределенным, обобщенным или отвлеченным производителем. Пассив в отвлеченно-агентивном значении в башкирском языке употребляется чрезвычайно широко. Например: *Йыр йырланды. Йыйылышта был һорау яктырылды. Йылғала бик оҙак йөзөлдө. Ауылға кисләп кенә кайтылды. Быйыл йыш ауырылды. Ул яңылыҡты ишетеп атыралды*. Действие происходит помимо участия субъекта: *бик күп ултырылған, телеграмма һуғылды, өй һыланды* и т.п., здесь и не видно обычной связи между действием и действующим лицом, но оно тем не менее относится к агенту, т.е. воспринимается как совершаемое или совершенное говорящим. Действующее лицо подразумевается даже в том случае, когда нет ни предшествующего, ни последующего изложения: *Алыс һәм яҡын араларҙан ҡунаҡтар саҡырылды (М. Ҡарим). Шундай һүҙҙәр арҡаһында мәжлес оҙаҡна һузылды, аштан һуң бер нисә самауыр сәй эсәлдө. (М. Ғафури).*

В разделе «Синтаксические конструкции с семантикой пассива» выделяется двучленный и трехчленный пассив. Термином «двучленная конструкция» в лингвистической литературе принято называть пассивные конструкции без обозначения конкретного производителя действия (агенса), т.е. субъект может не упоминаться. Данного вида пассивные конструкции образуются при участии любого глагола с аффиксом *-л* с пассивным значением, что говорит об их широкой употребительности в языке. Двучленная пассивная конструкция образуется в следующих случаях:

а) когда ситуация, в которой происходит данное действие-состояние, включает очевидность источника действия без упоминания его в речи. Например: *Эммә, насар шиғыр уҡылһа-уҡылғандыр, вахлыҡ һөйләнгәнә, яңы басылып сыккан әсәрҙәр тикшерәлдө, тик күз артында кеше тикшерәлмәнә (М. Ҡарим)*

б) когда больший упор делается на самый результат действия, чем на производителя его. Например: *Ул бесән бит, кипкәс, күбәгә йыйылган, кәбәнгә өйөлгән, кар төшкәс, санага төйәлөп кайткан, бесәнлеккә бушатылган, унан косак-косак утлыкка ташылган* (М. Кәрим);

в) когда нужно выразить состояние как результат произведенного действия, т.е. когда действие оценивается как единый акт для выражения состояния, которое произведено в прошлом (перфективность) либо производится в настоящем, либо совершится в будущем. Например: *Ни өсөн без ятактан институтка йөрөй торган тротуарлар кен элгәре китерелөп, тазартылып, һеперелөп бөткән?* (М. Кәрим).

Трехчленная пассивная конструкция возможна в том случае, когда имеется субъектно-объектная обратимость, т.е. двучленная конструкция может трансформироваться в трехчленную или, наоборот, трехчленную конструкцию можно трансформировать в двучленную. Например, ср.: двучленная конструкция: *Күпме ызыклы пландар королдо, күпме мауыктырғыс һүзәр һөйлөндө. Юлдаштың күз алдына килеп басырлык итеп һөйлөндө* (З. Бишшева). Данный вид можно обратить в трехчленную конструкцию: *Уның тарафынан күпме ызыклы пландар королдо, күпме мауыктырғыс һүзәр һөйлөндө. Юлдаштың күз алдына килеп басырлык итеп һөйлөндө. В трехчленной конструкции, в отличие от двучленной, объект выражается существительным или местоимением: Хужабикә тарафынан картуф турап бөшөрөлгән тукмас шул тиклем тәмле булды* (З. Бишшева). *Хужабикә* – объект, выраженный именем существительным. *Уның тарафынан һап-һары итеп кырып йыуылган изәндән яз, ағас өсө килә, көлдөксәлә йөнтәс бәсәй йомарланып йоклай* (Т. Фарипова). *Уның* – выражен местоимением. В трехчленных конструкциях объект выражается существительным с послелогами *тарафынан, аркаһында, менән*: *Бағаналар эшсәләр тарафынан ултыртылды. Председателдың тырышлығы аркаһында ауылда газ үткөрөлдө. Директор указы менән эштән бушатылды.*

Что касается синтаксических функций форм пассива в предложении, то они преимущественно являются сказуемым. *Урамдары тар, һәр ике яғында тәпәшәк икешәр катлы таш өйзәр төзөлгән* (сказуемое) (Д. Юлтый). Пассивные формы могут выполнять функцию определения, дополнения и обстоятельства: *Дингез өстө, караһыу күк төскә инеп, ыззырылган* (определение) *таба шикелле, һипкән бәрәп ята* (З. Бишшева). *Җымыздың шәп йәки хөрт булуы ла ана шул курдың нисек халдырылуына* (дополнение), *көбөләрзә вақытында карап, бөшөп тороуга бөйләнгән* (З. Бишшева). *Тоталмай* (обстоятельство образа действия) *кайттылар* (М. Кәрим).

Четвертая глава «Функционально-семантическое поле рефлексива в башкирском языке» состоит из четырех разделов. Первый раздел «Теоретическая концепция рефлексива в тюркологии» посвящен анализу взглядов на данную проблему. Существуют различные точки зрения относительно рефлексивов. Одни исследователи трактуют рефлексив как формообразующую или словообразовательную категорию (Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, А.А. Юлдашев, А.Х. Фатыхов, С.Н. Иванов, К.Г. Ишбаев, А.И. Геляева, Г.Р. Абдуллина и др.), другие приводят доказательство в пользу существования его как самостоятельной грамматической категории (Д.Г. Тумашева, М.З. Закиев, С.К. Кудайбергенов, И.Е. Маманов, Б.Ч. Чарыяров и др.). Рефлексивные формы башкирского глагола специально не исследованы.

Рефлексивные формы образуются как от переходных (*ййу-* *-ййуын*, *һәйә-* *-һәйән*, *кей-* *-кейән*), так и от непереходных глаголов (*тазарын-*, *һыҙлан-*) с помощью аффиксов *-н* после конечных гласных (*ура-н-уу*, *телә-н*, *уҡы-н-уу*) и *-ын*, *-ен*, *-он*, *-өн* после конечных согласных глагольной основы (*яб-ын-уу*, *ййу-ын-уу*, *ял-ын-уу*).

Рефлексивы образуются от основ на *-ғала*, *-келә*, *-гелә*, *-әлә*, *-өлә* и обозначают многократность действия: *әзгәләнәү*, *бүлгәләнәү*, *борғаланыу*. От переходных глаголов образуются рефлексивные формы с прямым объектом, которые в результате образования не теряют переходного значения. Глагольные формы этого типа выражают действие, совершаемое субъектом и переходящее на объект. Например, *ййй* (переходный)–*йййнанды* (переходный).

Рефлексивные формы, образованные от непереходных глаголов, обозначают следственное изменение в состоянии субъектов: *кабарыныу*, *кызарыныу*. Например: *Үгәй әсә өй эсендә гүмерҙә күрелмәгән дауыл куптарҙы: аҡырынды, ҡыстырынды, ҡарғанды* (З. Бишшева). Рефлексивное значение имеют непереходные глаголы на *-һын*, *-һон*, *-һөн*, выражающие внутреннее состояние человека: *ятһыныу*, *ҡамһенәү*, *бойоҡһоноу*. К полю рефлексива относятся глаголы, образованные лексическими средствами, т.е. посредством выделения из лексики основ глагола с семантикой возвратного залога: *уян-* «пробудиться» (при *уят-* «разбудить»). Оттенок рефлексивного значения имеет ряд производных глаголов, образованных посредством аффиксов, обозначающих действие, совершающееся с участием самого субъекта действия, происходящее только для субъекта: *-лык-лөк*, *-ыҡ-өк*, *-к-к*: *күн-өк(тө)*, *һуҡ-лык(ты)*, *өт-лөк(тө)*.

В башкирском языке часто употребляются рефлексивные формы, образованные способом редупликации: *Айбикә шәленә төрөнө-төрөнө йүтәрҙе*. «Әһә, эксковатор. Быныһы вышка, күтәргөс кран. Бында тағы автобус та, шкаф та бар икән», – тип күңелле *һәйләнә-һәйләнә*, *уларҙы*

еҫтәлгә теҙә бара (З. Бишшева). В случаях употребления повторов рефлексивных форм между ними часто ставятся союзы *-ла/-лә* с целью усиления качества действия: *һуңғы ваҡытта шашына ла шашына ине, бушка булмаған икән (Һ. Дәүләтшина).* *Бесәй йыуына ла йыуына. Ҡыз бизенә лә бизенә. Әбей төпсөнә лә төпсөнә.*

Большое отличие лексического значения производной и непроизводной основ глагола *кырын- «бриться»* и *кыр- «снобить», «скрести», «тереть»; «истреблять»; сабын- «париться веником»* и *сап- «дать пощечину», «хлестать»; «косить сено»* является свидетельством словообразовательной сущности рефлексивных форм. Наглядным примером словообразовательной функции рефлексива может служить невозможность устранения аффикса *-н* из состава глагола, так как производящие основы не имеют самостоятельного употребления *өйрә-н «научиться», тирбә-н «качаться»* (производящие основы глагола *өйрә-, тирбә-* самостоятельного употребления не имеют). Рефлексивное значение в башкирском языке создается по деривационным моделям: а) со значением «приобрести свойство» в именных глаголах на *-ла/-лә: тәмһәз-лә-н, тоз-ла-н;* б) со значением «проявлять свойство по основе»: *актар-ын, һөйлә-н* и т.п.

В башкирском языке иногда наблюдаются расхождения при употреблении рефлексивных форм в литературном языке и в диалектах. Например, айский говор восточного диалекта характеризуется употреблением рефлексива, вместо актива: *ашан- «кушать»* вместо литературного *аша- «кушай»; теген-,* вместо литературного *тек- «шить».* В некоторых случаях рефлексив оформляется аффиксом взаимного залога *-ыш/-эш:* *тырнашам «чешусь»,* вместо литературного *тырнамам; буйашам «занимаюсь окрашиванием»,* вместо литературного *буйанам.*

Семантические типы рефлексивных форм исключительно разнообразны по своим значениям. Рефлексивные формы, образованные от переходных глаголов, обозначают:

1) действие, выполненное субъектом над собой, над собственным телом: *Ҡыззар һәр көмә үз хәленән килгән тиклем яһанды, бизәнде (Һ.Дәүләтшина).* *Көләш кейәнен-яһанып сыткансы, кейәү көшә ат башын тотоп торған (М. Кәрим);*

2) действие, совершенное самим субъектом и направленное им на себя самого: *һыуыңды кандырайым тип шишмәгә ҡағландым (М. Кәрим).*

3) действие, выполненное субъектом с самим собой, в своих интересах, для себя, с участием субъекта в каких-либо делах: *Халыҡ көсө өткәнсә эшкә тотондо (Б. Бикбай).* *Көтмәгәндә әсәйем Ырымбурға барырға йыйына башланы (Б. Бикбай).*

Семантические свойства рефлексивных форм зависят не только от переходности/непереходности глагола, но и от принадлежности глагольной

основы к определенной лексико-семантической группе: 1) глаголы движения: *Унда-бында йүгөрөндө. Айгөл баскан ерөндө никерөндө*; 2) глаголы выполнения какого-нибудь действия: *Тэнзиле төнө буйына язынды. Эбей үз эсенен утынды. Күрөшкөс тө, ул муйыныма асылынды (М. Кәрим)*; 3) глаголы мышления: *Юлдаш тагы бөгөнгө дәрөс, Кызырастың насар кыланыштары тураһында бошоноп уйланды (З. Бишшева)*; 4) глаголы речи: *Ахыры ул тагы түземдән сығып һөйлөнө башланы (З. Бишшева)*; 5) глаголы эмоции и ощущения: *Сак кына алга китеш булһа, кыуана (М. Кәрим). Кыуанды, йыуанды, һағышланды (М. Кәрим)*; 6) глаголы, обозначающие изменения во внешности субъекта: *Уның йөзө, ирөндөрө ағарынды (З. Бишшева). «Юк. Ауылда, апайымдарза булдым», – тине лә, үзө тагы ла нығырак кызарынды (З. Бишшева)*; 7) глаголы звукоподражания и междометия: *Бригадир ажгырынды. Ул эстән генә мөңөрзөндө.*

Рефлексивным формам свойственно выражать: 1) произвольность действия, т.е. независимость его от воли и желания субъекта действия: *Эшкә иртәрәк киләнгән. Ихх... утынды карамай алынған.* 2) повторность действия: *Ул ары-бире йөрөндө. Кыздар шатлыктарынан никерөндө*; 3) усиление, интенсивность процесса: *Үгәй әсә шашынды, моторондо, ярһынды (З. Бишшева)*; 4) состояние человека или изменение во внешности: *күгәрәнөү, һызлану, шөшенөү, көйнөнөү, калтырану* и т.п.

Следует учесть, что некоторые формы с аффиксом *-н* во фразе могут употребляться и в пассивном (страдательном) значении, когда действие с точки зрения логического объекта представляет собой состояние: ср. *Уның тарафынан имтиханға билеттар әзерләндө (әзерләндө имеет пассивное значение, поскольку обозначает действие, которое совершается грамматическим объектом и переходит на грамматический субъект) и Ул имтиханға әзерләндө (әзерләндө в данном предложении имеет рефлексивное значение, так как выражает действие для данного же субъекта).* Конкретное значение пассива или рефлексива может быть определено только в предложении.

Семантика рефлексива выражается следующими синтаксическими конструкциями:

1) субъектными рефлексивными конструкциями с сохранением исходного субъекта-подлежащего: *Ул кырынды, йыуынды. Кыздар һәр көмө үз хәленән килгән тиклем яһанды, бизәндө (Н. Дәүләтшина).*

2) обобщенно-личными конструкциями: *Бөгөн эшкә һуң киләндө.* В данном предложении субъект-подлежащее отсутствует; хотя глагол *киләндө* употребляется в форме 3-го лица, действие совершается самим субъектом и направлено им на себя;

3) конструкциями с рефлексивными формами в качестве сказуемого: *Әй тузына был, әй тузына (М. Кәрим). Шундай малайзар менән бер пар- тала ултырырға тура килеүенә ысын күнәлдән һөйөндө (З. Бишшева);*

4) конструкциями, где рефлексивное значение выражают и сказуемое, и дополнение: *Айбулат һаман русса укый алмай калыуына кейенә (Һ. Дәүләтшина) Укый алмай калыуына – дополнение, кейенә – сказуемое;*

5) синтаксическими конструкциями, образованными путем сочетания нескольких глагольных основ с рефлексивными значениями, выраженными сложными глаголами, состоящими из деепричастия (хәл кылым) на -ып, -еп, -оп, -өп и глагола: *Бынау баланы бер аз сайындырып-һөртөндөрөп өбәрергә кәрәк (Һ. Дәүләтшина). Билдәләнгән сәғәткә без хәлебездә кейенеп-яһанып алдык (М. Кәрим);*

6) конструкциями, где рефлексивное значение выражается обстоятельством: *Сәйнәймәй генә сәйендә яһауында бул (Һ. Дәүләтшина). Ул кәрәкмәгән һораузары менән көшөгә бөйләнемәйенсә йөрөй алмай. Һин һоранмай ғына ултыр. Төкөрөнә торғас, уларзын телдәрә, тамантары кипте, тауыштары бөттө (З. Бишшева);*

7) рефлексивными формами, образованными посредством сочетания возвратно-определятельного местоимения и соответствующего глагола: *Ул үз-үзенә укынды. Сания үз-үзенә һөйләндө. Карт үз-үзенә һүтөндө;*

8) конструкциями, с сочетаниями глаголов в форме инфинитива, образованных от основы с прибавлением аффикса -ырға, -ергә, -орға, -өргә и соответствующего глагола: *Шаңкып калғандар яйлап аңына килде, бәғзәләре, киреһенсә, сарбайлап, иларға тотондо (Ғ. Хөсәйенов).*

В пятой главе «Функционально-семантическое поле реципрока и социатива в башкирском языке» рассматриваются залоговые формы, которые обуславливаются двумя основными равноправными значениями. Реципрок отображает симметричное отношение между участниками сложного процесса. В этом случае участники попеременно выступают объектами и субъектами какого-либо действия (*осрашырға «встречаться», юсаклашырға «обниматься» и пр.*). Социатив выражает отношение кооперации между субъектами, совершающими какое-то действие (*Улар килешөүгә кул куйышалар «Они подписывают договор»*).

Раздел «Теоретическая концепция реципрока и социатива в тюркологии» посвящен анализу основных теоретических концепций тюркологов, направленных на выделение разнообразных значений реципрока и социатива (взаимно-совместного залога). Значение реципрока и социатива в существующих концепциях сводится к тому, что наиболее общим и исходным значением этой формы является обозначение того, что в совершении данного действия принимают участие два или несколько субъектов.

Реципрок и социатив образуются с помощью аффиксов *-ыш/-эш, -ош/-өш* (после согласных): *яз-ыш, тот-ош, ал-ыш, үб-эш, яр-ыш, күм-эш, һуғар-ыш* и т.п. *-ш* (после гласных): *кар-аш, осра-ш, косакла-ш, һөйләш, әрсө-ш, тура-ш, буя-ш, сайка-ш, тура-ш, бизәклә-ш, исәплә-ш* и т.п.

Реципрок, образованный от переходных глаголов, выражает действие, совершаемое взаимно двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу или в помощь друг другу: *Сыуакай әбәй иртүк килеп Бибешкә өй йыйыштырышты* (З. Биишева). *Уның оло улы, атаһына каршы сығып, ат туғарышты* (З. Биишева). Субъекты при реципрокной форме выражают взаимное действие с прямым объектом действия. Например: *Катындар ауызға-ауыз терәп шым ғына хәбәр һөйләшөп ултыралар* (Һ. Дәүләтшина) *Катындар* – субъекты, *хәбәр* – прямой объект действия, *һөйләшөп* – взаимное действие, совершенное несколькими субъектами.

Социативные формы образуются от непереходных глаголов и сами имеют непереходное значение. Они выражают совместное действие, совершаемое несколькими логическими субъектами, которые грамматически могут и не выражаться. Действие совершается вместе с кем-либо, с чем-либо, совместно с кем-либо. *Бүтән улай эшләмәм, юк-бар нәмәгә асыуланыммайык* (Ф. Исәнголов). *Йәш-өлкәнсәктөң юл ыңғайында тап булышып, һүз кушышып, кул болғашып китеүе ғәжәп хәл түгел* (М. Кәрим). *Әңгемеләшөп ултырғанда телефон шылтыраны* (М. Кәрим).

Наличие двух или нескольких субъектов взаимного и совместного действия подразумевается и в тех случаях, когда глагол выступает в форме единственного числа: *мин бәрәңгә казышам; ул безҙең менән һөйләшә; ул әсәһе менән хушлаша; атаһы укытыусы менән нәңәшләшә* и т.п. Для обозначения реципрока или социатива в башкирском языке нет особого форманта, который показывал бы значение взаимности или же совместности. Оба эти значения выражаются посредством одного и того аффикса *-ш*. Поэтому глаголы с показателем *-ш*-, взятые вне контекста, могут выражать и совместное, и взаимное значения одновременно: *тарт-ыш* «тянуть вместе» и «тянуть друг друга»; *яз-ыш* «писать вместе» (инша язышты) и «писать друг другу» (*бер-берәбәз менән хат языштык*).

Реципрок и социатив образуются от основ побудительной формы: *кил-тер-өш-те, каз-ыш-ты, тарт-ыш-ты, яз-ыш-ты, ал-ыш-ты, һөйлә-ш-те*). В башкирском языке возможно образование реципрокных и социативных форм от звукоподражательных и образоподражательных слов, а также от междометий: *Ләкин балалар уның яғына карайҙар за бышылдашалар* (З. Биишева). *Кыҙҙар, сыуылдашып, урындыктан изәнгә, изәндән урындыкка йүтөрөп кастылар* (З. Биишева). *Үзәрәненә шулай берәй калала укый алмауҙарына үкенешеп уфтаныштылар* (З. Биишева).

В языке часто употребляются парные глаголы с семантикой реципрока и социатива, которые усиливают данное значение а) повтором одного и того же глагола: *Киләндәр бейәләргә һауып бөтөп ебәрзеләр ҙә, һөт менән тулған силәктәрөн көскә күтәрел, көлөшө-көлөшө аласыҡ яғына китеп тә барзылар* (З. Бишшева); б) повтором одного и того же глагола, при этом между ними употребляются частицы *-за/-ҙә*: *Йәштәр көлөшөләр ҙә көлөшөләр. Балалар тарткылашалар ҙә тарткылашалар*; в) парным употреблением разных по значению глаголов: *Һуғыштан һуң күп йылдар үткәс тә, бер-беребезгә барышып-килешеп йөрөнөк* (М. Кәрим); г) повтором деепричастий с аффиксом *-п, -ып/-еп*: *Улар, бында килгәне бирле, тырышышып-тырышышып курайға өйрөнөп маташалар ине* (З. Бишшева).

Реципрокное и социативное значение выражается не только при помощи морфем (аффикс *-ш-*), но и аналитическим способом. В этих случаях глагол употребляется в сочетании с местоимением *бер-береһән, бер-берен, бер-береһе (менән), берен-бере*. Например: *Улар бер-береһән озатыштылар. Улар бер-береһе менән үпкәләштеләр. Улар берен-бере яклашты.*

Однако нельзя не отметить, что не во всех глаголах с аффиксом *-ш-* присутствуют значения реципрока и социатива, об этом убедительно доказывают факты башкирского языка. Например: *Ана, бакса кәртәһенә эленгән һөлгөнөң семәкәйле башын ала быҙауыбыҙ килеп сөйнөргә көрөштө* (М. Кәрим). Во-первых, здесь аффикс *-еш* имеет только словообразовательный характер: *көр+өш* (*көр* «заходи», *көрөш* «возьмись»), во вторых, в этой конструкции нет взаимного действия или взаимодействия двух или более субъектов, не выражается совместная деятельность или одновременное состояние двух и более субъектов.

В башкирском языке семантические типы реципрока и социатива характеризуются многообразием. В синтаксических конструкциях взаимодействие субъектов выражается различными формами и значениями:

1) субъекты действуют взаимно: *Улар икөһе юсаклашып өргә тәгерәнеләр, бер-береһенәң яңактарына тондороштоләр, тиккәләштеләр, төшлөштеләр* (Ф. Исанғолов);

2) субъекты действуют совместно: *Һалдаттар, китергә булғас, ташланған кәмәләрен яңынан йыйыштыралар, яңынан сумкаларына тултыралар* (Д. Юлтый). *Кунакка йөрөшөһөгөҙмө? Былай дусбыҙ. Ләкин кунакка йөрөшмөйбөҙ* (М. Кәрим);

3) субъекты помогают, содействуют друг другу: *Аттарынан ырғып төшкән Әклимә менән Ахмал аунап яткандарҙы торғозошто* («Ағизел» журналынан). *Өләсәһе уны мал-тыуарҙы бикләргә, утын сарлаклап бирергә, самауыр кайнатышырға, картуф өрсөтөргө кушты* (З. Бишшева);

4) субъекты соревнуются между собой: *Эсгәт менән йән фарман узышып урам буйлап йүгерзек (М. Кәрим). Мин саңғыла һинөң менән ярышып карармын әле. «Ярышырбыз», – тине Юлдаш та, рухланып (З. Биешева);*

5) передаются психологическое состояние, эмоции субъектов: *«Улай булһа, күрше, үпкәләшмәйек», – мин дә көршәктәр эшләй башлаясакмын, – тигән бер сак һөнәрсе (З. Биешева). Эйе, үтә нык яратышып қауыштылар, яратышып гүмер иттеләр шул улар (З. Биешева). Җәрләнәшөп кире өйгә кайталар (М. Кәрим);*

6) обозначаются перемещение субъектов в пространстве: *Үпкәләп түгел, әзәп һаклап, сама бөлөп таралыштылар (М. Кәрим). Ауыл артына сыгып, тау битендәге карт карағастарзың берөһөнән икенсөһөнә йүгөрөштөләр (З. Биешева). Сәбәбе сыкканда, форсат табып, сәбәп булмаганда ай сыгарып, бер-беребеззек иленә йөрөштөк, икмәк-тоз татынык (М. Кәрим);*

7) обозначаются совершаемые речевые процессы субъектов: *Улар юк-бар өсөн һүз көрөштөрөп алдылар (З. Биешева). Зөләйха әбей менән Гөлйөзем өңгә ни тураһындагы кызып-кызып бәхәсләшөләр ине (З. Биешева). Күп тапкырҙар осраштык, ысын күңөлдән өңгәмәләштөк (М. Кәрим).*

В синтаксических конструкциях с семантикой реципрока и социатива часто наблюдаются случаи, когда выделяется один субъект из двух, т.е. одному субъекту приписывается большая активность, чем другому. Более активным является тот участник действия, который выражен подлежащим, а второй предстает менее активным субъектом. Например: *Шулай итеп Айбулат менән Гөлйөзем байҙар менән өзөшөп, айырылышып сыгып киттеләр (Һ. Дәүләтшина.)* Первые актанты – Айбулат и Гульюзум выражены подлежащим, активным актантом, а вторые актанты – богачи – менее активны.

В глаголах, типа *осраш- «встречаться», һосаҡлаш- «обниматься», үбөш- «целоваться», һөйөш- «любить друг друга»* и пр., предполагающих появление двух подлежащих, объединенных обычно послелогом *менән «с»*, осуществление активного действия возможно двумя субъектами, которые одновременно оказываются и объектом производимого ими действия: *Рауза менән мин 1942 йылдың көзөндә, яраһанғандан һуң, бер азнаға ялға кайткан ваҡытта ғына, яҙылыштык (М. Кәрим).*

Часто употребляются конструкции, где исполнитель действия устраняется с позиции подлежащего: *Шунан һуң ғына, бер берөһөнөң күлдәгән арттан бороп тотоп, билдән алыштылар (М. Кәрим). Асыланышканды оңотайык, улай төрткөләштән булмаһын (Н. Мусин).*

В башкирском языке реципрокно-социативные конструкции имеют морфологические показатели: аффиксы *-ыш/-еш, -ош/-өш, -ш* (*бизәкләш, буяш, күтәреш, дуслаш*), аффиксы *һук – һуғыш, таҡ – тағыш, баҡ – бағыш*, редупликацию (*һуғышышып–муғышышып бөткөндәрҙәр, талашышып–малашышып йөрөнөләр*) и т.п. В речи часто встречаются конструкции, в составе которых употребляются повторы слова, усиливающие значение реципрока или социатива: *һәйләшә-һәйләшә, кыскырыша-кыскырыша*.

В синтаксических конструкциях аффиксы взаимности-совместности *-аш/әш, -ыш/-еш, -ош/-өш, -ш* нередко выступают в составе существительных и придают им реципрокно-социативную семантику: *бөз кәрҙәш, бөз яуаштар*. Синтаксические способы выражения реципрока отличаются тем, что значение взаимности передается сочетанием слова *бер-берәһен, бер-берен, берен-бере, бер береһе мөнән, үз ара, мөнән* и т.п. *Улар бер-берәһен яратышып өйләнештеләр. Ғәлим кәҙерле кунаҡ мөнән тиз үк дуслашты. Егеттәр үз-ара кәңәшләштеләр*.

Реципрокно-социативные формы могут занимать позиции подлежащего, сказуемого, обстоятельства, определения, прямого и косвенного дополнения:

- в позиции подлежащего: *Ахыр был малай мөнән көрмөкләшәү йәштәрҙе туйырҙы (М. Кәрим). Кат-кат кул кыҫышыу, аркаларҙан һәйшәү, юсаклашыу китте (М. Кәрим).*

- в позиции сказуемого: *Был кистә лә, һуңыраҡ та без ғишыҡ һүҙе һәйләшмөнөк (М. Кәрим). Тимәк, ысынлап уҡ коза ла булышҡандар (З. Бишшәева). Татыу ғына айырылыштыҡ (М. Кәрим);*

- в позиции дополнения: *Ул, иптәштәрөнөң нәмәләрҙәр һәйләп ша-яртыу, көлөшөүҙәрөнә лә игтибар итмәй, башын әйеп, капка яғына кит-тө (З. Бишшәева). Төрткөлөшөүҙе, тарткылашыуҙы ағай яратмай (М. Кәрим);*

- в позиции обстоятельства: *Юсаклашҡас, күңел тулып китте (М. Кәрим). Кунаклашып йөрөр саҡмы ни (З. Бишшәева). Башкалар за ашыҡмай, һоғаланмай, яйлап, тәмләп кенә, һәйләшә-һәйләшә ашанылар за ашанылар (З. Бишшәева);*

- в позиции обстоятельства и сказуемого: *Үҙҙәрөнөң уҡый алмауҙарына үкөнөшөп уфтаныштылар. Әйе, үтә ныҡ яратышып кауыштылар, яратышып ғүмер иттеләр шул улар (З. Бишшәева). Шул аркала табышып таныштыҡ (М. Кәрим);*

- в позиции определения: *Өҙөлөп һағынышҡан йәштәр, кыуаныша-көлөшә, кая өстөндәге өйҙөргә табан йүнәлдә (З. Бишшәева). Күпмөлөр ваҡыт үтөүгә без үзөбөҙҙе тәү күрөшкән көшөләр итеп түгел, оҙаҡ*

айырышлышкандан һуң табышкан кешеләр һымак һизә башланык (М.Кәрим).

Способы выражения симметричных актантов в позиции подлежащего в конструкциях с реципроками также разнообразны. В.П. Недялков различает несколько смысловых типов симметричных актантов в позиции подлежащего, которые применительны и для башкирского языка: 1) разноименные: *Егет мөнән кыз қосақлашаһар* (каждый субъект выражается отдельным словом). Разноименные, в свою очередь, оформляются по-разному: а) сочинительное оформление (*Азат һәм Сәлимә дуслаштылар* – оба субъекта относительно равноправные); б) комитативное оформление (*Азат Сәлимә мөнән дуслашты; Азат Сәлимәнән алысашты* – наименование второго субъекта оформляется предложением, послелогом, падежом или особой формой совместности); 2) одноименные: *Улар қосақлашаһар. Егеттәр төрткөләшәһәр; 3) собирательные: Халык таралыша башланы. Ғайлә тырышып донъя кетә. Етәксәлек һөйләште.*

В языке весьма широко употребляются односоставные предложения с реципрокно-социативным значением: 1) безличные предложения: *Танышайык әле (М. Кәрим). Һөйләшөп қарарбыз (М. Кәрим). Татыу ғына айырылыштык (М. Кәрим). Бик тиз ризалаштылар (З. Бишшөва).* 2) назывные предложения: *Җул қышышыузар, һалдатса қысып қосақлашыузар (М. Кәрим). Үпкәләшөүзәр... Ярашыузар... Барыһы ла хәтерзә («Ағизел» журналынан).*

В шестой главе «Функционально-семантическое поле каузатива в башкирском языке» рассматриваются теоретические концепции каузатива в тюркологии. В тюркологических концепциях этот залог обозначается терминами «побудительный», «каузативный», «понудительный», «причинительный». Термин «побудительный», по мнению некоторых исследователей (Л.Н. Харитонов, и др.), исходит из более широкого понимания «побуждения» для обозначения различных оттенков значения данного залога. Большинство тюркологов (А.А. Юлдашев, Н.А. Баскаков, В.Г. Гузев, М.З. Закиев и др.) признают термин «понудительный», так как считают основным залоговым значением выражение действия, выполняемого одним лицом по приказанию, просьбе, разрешению другого. В тюркологической литературе часто встречается параллельное употребление терминов «понудительный залог» и «каузатив» (от лат. *causa* – имеющий значение причины, повода для действия), который означает, что в позиции подлежащего стоит причина действия, а в позиции прямого дополнения – субъект основного действия. Концепции большинства тюркологов сводятся к тому, что отнести только по внешней форме глаголы с аффиксом *-т, -дыр, -һыз* к понудительному залогу будет неправильно, необходимо обратить внимание на семантику глагола в синтаксической конструкции и учесть,

имеется ли отношение действия к второму субъекту, т.е. фактическому исполнителю действия.

Образование каузативных форм в башкирском языке возможно как от переходных, так и от непереходных глаголов. В этом случае непереходные глаголы трансформируются в переходные глаголы. Например: *кил* – *килтер*, *ут* – *уткәр*, *кас* – *касыр*, *аңла* – *аңлат*. При переходных глаголах, образованных от непереходных с помощью аффиксов понудительного залога, идея понуждения к действию возникает лишь в том случае, когда глагол своим лексическим значением называет действие непосредственного исполнителя.

В башкирском языке каузатив имеет продуктивные и непродуктивные аффиксы. Наиболее продуктивными являются аффиксы: *-дыр/-дер*, *-дор/-дөр*; *-тыр/-тер*, *-тор/-төр*; *-зыр/-зер*, *-зор/-зөр*; *-т*, поскольку они для большинства глаголов являются типичными, к тому же им характерно многоступенчатое наращение залоговых аффиксов: *кил* – *килтер* – *килтер-т* – *килтер-т-тер* *килтер-т-тер-т-өр*. Аффиксы *-нар/-кәр*, *-ғыз/-ғез*, *-ғоз/-ғөз*; *-ыр/-ер*, *-ор/-өр*; *-һат/-һәт* являются малопродуктивными и не могут носить вторичный или третичный характер. Например: *тор-ғоз-зор*, *мөн-ғөз-зөр*, *кей-ғөз-зөр*, *төш-өр-т-тер*, *күр-һәт-тер*.

Необходимо отметить словообразовательную функцию каузативных форм, которые трансформируют непереходный глагол в переходный: *күс* «подвинулся» (непереходный глагол) и *күсәр* «перемести», «перевози», «спиши» (переходный глагол), *курк* «пугайся» (непереходный глагол) и *куркыт* «напугай» (переходный глагол). В ряде случаев каузативная форма образуется от именных основ: *күз* «глаза» – *күзәт* «наблюдай», «следи»; *эш* «работа» – *эшкәрт* «обработай». Кроме того, от каузативных форм можно образовать имена существительные и прилагательные: *яктырт* «свети», «включи свет» – *яктырткыс* «свет», «включатель»; *мауыктыр* «занимай» или «займи чем либо» – *мауыктырғыс* «занимательный».

Наряду с литературными формами в языке довольно часто встречаются диалектные формы каузативов, которые имеют специфику употребления. Например, в айском говоре восточного диалекта понудительный залог обычно употребляется в значении основного залога: *Изән буятам* букв.: «Заставляю покрасить пол» вместо литературного *Изән буяйым* «Крашу пол». Каузатив оформляется аффиксами: *-кыз*, *-каз*, *-көз*, *-гөз*, *-тыр*: *йаткыз*, вместо литературного *яткыр* «уложи»; *мөнгөз*, вместо литературного *мөндөр* «подними»; *тоткоз*, *тотказ* вместо литературного *тоттор* «заставь схватить что-либо»; *һыйғыз* вместо литературного *һыйзыр* «умести» и т.п.

Для каузатива башкирского языка характерно многоступенчатое наращение залоговых аффиксов. После наслоения двух или более аффиксов

образуется двойные, тройные или другие каузативные формы, которые определяют количество объектов в реализации данного действия, меняют оттенок значения глагольной формы.

Семантические типы каузативных форм зависят не только от максимального или минимального количества залоговых аффиксов, но и от лексического значения самого глагола и от характера субъекта и объекта действия. В башкирском языке каузативная форма характеризуется разнообразными оттенками значения, обусловленными не только введением аффиксов каузатива и семантикой исходного глагола, но и контекстом, поскольку в башкирском языке одна и та же каузативная форма в зависимости от контекста может иметь различные значения. Так, например, *яткыр* «заставь лежать» (*Баланы яткыр*, *иртән иртә торорға кәрәк*); *яткыр* «разрешить лечь» (*Кисән баланы минең карауатка яткыр*); *яткыр* «помоги лечь» (*Баланы яткыр әле*), *яткыр* «укладывай» (*Баланы ваҡытында яткыр*), *яткыр* в значении позволения (*Ярай, баланы яткыр*). У башкирского глагола можно выделить следующие оттенки значений каузативных форм:

1. Значение принуждения, приказания или призыва к действию: *бешерт*, *һалдырт*, *йоклат*, *йыузыр*, *торғоз*. Например: *Сисәндәр һөнләнде, сисәндәр*, – тине әсәйем (М. Кәрим). *Ярай, үзәре ташыған кыйзы үзәренән түктөрттөрөбөз* (З. Бишшева). *Өмә итермән дә кызыккындан һылаттырырмын* (Һ. Дәүләтшина).

2. Значение позволения, разрешение совершить действие: *хосаклат*, *үрҙәр*, *тарат*, *үптәр*. Например: *Кана, эсәнде һыйпат әле*, – тине Базыян өңгә, *унан Бибеште яткырып карағас*, – Аһа, *һин ауырлы ла баһа, килен!* – тип кыскырып ебәрҙе (З. Бишшева). *Бынан һуң Хәмитте йыраттылар* (З. Бишшева).

3. Значение «просить помочь», «попросить»: *коткар*, *кыуандыр*, *туғарт*, *атлат*. Например: *Самауыр ултырт әле* (Һ. Дәүләтшина). *Өләсәйендән шул хикәйәтте тағы ла бер һөйләт әле* (З. Бишшева).

4. Значение цели, достигаемой через другой объект: *үлсәттәр*, *буяттыр*, *һайлаттыр*. Например: *Йәмил, һөнләндән усындағы нәмәкәйҙе күрһөттәр әле*, – тип үтәнде Фәһимә минән (М. Кәрим). *Әсләм кустым, миңә хәрби штаб начальнигын йәһәт кенә сакырт* (Ф. Исәнголов).

5. Само допущение действия: *үззыр(т)*, *тейзәр(т)*, *һөйзәр(т)*. Например: *Кирегә йүгөрт*, *мин урап каршыһына сығам* (М. Кәрим). *Ғарифтан да һөйләт* (З. Бишшева). *Тик көстө, дәрттө бушқа, ғайзаһыҙға түктөртмөгөҙ* (З. Бишшева).

6. Проявление попустительства, оплошности, небрежности, слабости, пассивности или их последствия: *урлат*, *өңдөрт*, *йығылт*, *түктөрт*. Например: *Суҡынып кына китһен, дуңғыз, был сама ла көйҙөрттө, мәңгә фа-*

тихам юк (Һ. Дәүләтшина). Өстәүенә, теге диләнкәләргә ваҡытында ғазарттырмаған өсөн, штраф һалдыртасакмын (Н. Мусин).

7. Недопущение субъектом совершения действия (при этом активно используется форма отрицания -ма/мә): *һынатма, һөйәртмә, белдертмә*. Например: *Унда һөрөлгән кешеләргә тик кенә яткыртмайҙар, уларҙы эшләтәләр (Ғ. Хәйри). Һунактар ҡыҫтатманы (М. Кәрим).*

В разделе «Синтаксические конструкции с семантикой каузатива» выявляется сложность и многоаспектность этих высоко употребительных конструкций, выступающих в самых разнообразных значениях. Значение каузатива передается глаголом в сочетании со словами *һуша, әле, куй, инде* и т.п. Например: *Уҡытыусы уҡыусыларҙан дәфтәрҙәрҙе тараттырырға һуша. Ҡыҙҙарҙан һуу китпәрт өлө. Малайҙарҙан утынды ташыттыртып куй. Шуһ алмаларҙы балаларҙан йыйҙырт инде*. Подчиненный субъект выражается исходным падежом (*уҡыусыларҙан; ҡыҙҙарҙан; малайҙарҙан; балаларҙан*).

В башкирском языке каузативные формы могут занимать позиции подлежащего, сказуемого, обстоятельства и определения: 1) позиция подлежащего: *Ябай ғына бурыс был: йылдар буйы һаҡлап йөрөткән аз ғына һүҙҙә кешеләргә өйтөп ишеттөрөү, үҙөн мөһим һәм мотлаҡ тип иҫәпләгән нәмәләргә иҫкә төшөртөү (М. Кәрим);* 2) позиция сказуемого: *Улар Константин Симоновты, ғөмүмән, ҡаушатманы һәм болоҡһотманы (М. Кәрим). Саҡырыу билеттарын алдан тараттырғайныҡ, күп тараттырғайныҡ (М. Кәрим);* 3) в составе сказуемого: *Уға ла безҙең шишмәнән һуу алдырт өлө (З. Биһшева). Иртәнгә һауа уларҙың сағыу тауыштарын алыстарға алып китөп яңғыратты (З. Биһшева);* 4) позиция обстоятельства: *Ауырттырырлыҡ итеп һуҡманы, ғәрләнәрлек итеп һуҡты (М. Кәрим). Бәрәсен ҡыҙғандырһағыҙ, алмаһ әле, үзөгөҙгә бер бәйнәт булыр (Һ. Дәүләтшина).* 5) позиция определения: *Шуға күрә лә мин йәнемдә төтрөткөргән, күңеләмдә ҡыуандырған, эсемдә өрнөткөргән эреле-ваҡлы мөғжизәләр тураһында уйлап киттем (М. Кәрим).*

С точки зрения структуры выделяются двусоставные и односоставные каузативные конструкции: 1) двусоставные, с сохранением исходного субъекта-подлежащего: *Һин котортмаһаң, мин ҡоламаһ инем (М. Кәрим). Яндырт һин был ғағыҙарҙы, Айбулат! Бөрәйһе табып алып старшиналар ҡулына бирҙәртһе – бөтөң, башың себер китәһәк (Һ. Дәүләтшина);* 2) односоставные, без сохранения субъекта-подлежащего: *Хатта йәкшәмбе көн безҙең өсөн муһ ғына табын да өҙөрлөттө (М. Кәрим). Айбулат кейәүҙе базарға өбөртөп алдырттырҙы (Ә. Вахитов). Аштан һуң һунактарҙың ҡулдарын тағы эсе һуу менән йыуыҙырылар (З. Биһшева).*

В языке часто употребляются конструкции с каузативными формами, где наблюдается многоступенчатое наращение залоговых аффиксов, кото-

рые меняют семантику предложения: *кил «приходи» – һатыусыны килтәр «Приведи продавца»; һатыусыны килтәр-т «Заставь привести продавца»; һатыусыны килтәр-т-тәр «Через кого-либо заставь привести продавца».*

Каузатив выражается деепричастием, выполняя разнообразные семантические и синтаксические функции: *Бигерәк маһайтып, мактандырып төшөргәнһең, Талип (З. Биешева). Төшөндөрөп кара һин был томана бисәгә (Һ. Дәүләтшина). Рәхимә йылғаның һөзәк ярында үскән тал өйкөмөн тулыһынса кырктырып ташыттырҙы (Һ. Дәүләтшина). Шулай ҙа Вәзихте, баштар бәләһәннәң кәтәпсәһенә ышандырып, тынысландырып оҙатты (М. Кәрим). Өйрәнсекте үз һарайына саҡыртып алған (З. Биешева).*

В седьмой главе «Сложные залоговые формы» анализируются типы сложных залоговых форм, выявляется связь залоговости с темпоральностью, с аспектualityю, рассматривается лично-числовая парадигма.

Залоговость включает в себя различные залоговые формы: актив, пассив, рефлексив, реципрок и социатив, каузатив. Залоговые формы взаимодействуют с единицами разных языковых уровней, заключающими в своей семантике элементы, соотносительные со значением данной категории. Сфера субъектно-объектных отношений охватывает различные явления категории грамматики: элементы синтаксических структур, склонение, лицо, принадлежность, переходность и непереходность, одушевленность и неодушевленность, время и число.

В тюркских языках, в том числе и в башкирском языке, часто употребляются залоговые формы, которые состоят из основы глагола и нескольких залоговых аффиксов, из которых определяющее залоговое значение может иметь только замыкающий аффикс. При сочетании нескольких залоговых аффиксов в одном глаголе приобретается новый оттенок значения.

Возможны следующие типы сложных залоговых форм:

1. Сочетание каузатива и пассива:

а) основа + аффикс каузатива (-ыр/-өр, -ор/-өр; -дыр/-дер, -дор/-дөр; -тыр/-тер, -тор/-төр; -зыр/-зәр, -зор/-зәр) + аффикс пассива (-ыл/-өл, -ол/-өл): *ал-дыр-ыл-, кип-тер-өл-, бас-тыр-ыл-, бәр-зәр-өл.* Примеры. *Ике йыл һузымында ике – төбәк, 9 беренсәл һан тамырҙары үзәгә һәм бүлексәһе, 9 травматология, 16 онкология, 9 перинаталь үзәк ойшошторолот, кадрҙар, корамалдар менән тәһмин ителәргә тейеш («Ағизел» журналынан);*

б) основа + аффикс каузатива (-т) + аффикс пассива (-ыл/-өл, -ол/-өл): *йылы-т-ыл-, аңла-т-ыл-, кыска-т-ыл-, һөйлә-т-өл-, ила-т-ыл-.* Примеры. *Һөҙөмтәлә уҡыу йортон тамамлаусыларға кысҡартылған*

программа буйынса һәр кем үзе теләгән югары укуы йорттарында белем алыу мөмкинселеге булдырыла («Ағизел» журналынан). Ир мал тупрагынан яратылган (Башкорт халык ижады, том X);

в) основа + аффикс каузатива (-т, -һат/-һәт) + аффикс пассива (-ыл / -ел, -ол/-өл): күр-һәт-ел-, ак-һат-ыл-. Примеры. Кызырас, үзенә карата Җәбит агай тарафынан күрһәтелгән был көтөлмәгән ышаныска ни тип яуап кайтарырга ла белмәй, башын түбән эйзә (З. Бишшева);

г) основа + аффикс каузатива (-кыр/-көр, -кар/-кәр, -кор/-көр) + аффикс пассива (-ыл/-өл, -ол/-өл): ят-кыр-ыл-, үт-кәр-өл-, кот-кар-ыл-. Примеры. Сирләп китеү сәбәпле ул дауаханага яткырылды (һөйләү телмәрәнән). Быйылгы ташкын осоронда ундан артык бала коткарылды (һөйләү телмәрәнән). Мәктәптә әсәйзәр көнөнә арнап бик күп саралар үткәрәлдә (һөйләү телмәрәнән);

д) основа + аффикс каузатива (-ғыз/-гөз, -кыз/-көз, -ғоз/-гөз) + аффикс пассива (-ыл/-өл, -ол/-өл): тор-ғоз-ол-, ят-кыз-ыл-, мен-гөз-өл-. Примеры. Походка барыу сәбәпле, бөгөн лагерзагы балалар бик иртә торғозолдо (һөйләү телмәрәнән). Янғын һүндерәүселәр бейек йортка кран менән мөнгөзәлдә (һөйләү телмәрәнән).

2. Сочетание реципрока или социатива с каузативом и пассивом: основа + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш) + аффикс каузатива (-тыр/-тер, -тор/-төр) + аффикс пассива (-ыл/-ел, -ол/-өл): бар-ыш-тыр-ыл-, кил-өш-төр-өл-, яз-ыш-тыр-ыл-, уку-ш-тыр-ыл-. Например: Ул дөймөлөштөрәлгән бер фәкәр әйтә, күнәл киңләгәнә, кунаксылыкка өндәй, йәғни өгөт-нәсихәт итә, өйрәтә (Башкорт халык ижады, том X). Егет яғы эште кызыу тотто: көрәгәләр төбөнә киптерелгән кур төшөрәп, бал әсәтергә баш яһалды, көбә-көбә кымыз бешәлдә, өйзәр йыйыштырылды (Н. Мусин).

3. Сочетание пассива и реципрока или социатива: основа + аффикс пассива (-ыл/-өл, -ол/-өл) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-өш, -ош/-өш), которые реализуются в примерах: яз-ыл-ыш-, айыр-ыл-ыш-, бәр-өл-өш- и т.п. Например: Ай-һай, – тип борсолыштылар малайзәр (З. Бишшева). Айырылышкығыз килмәй, әлбиттә (З. Бишшева). Татыу ғына айырылыштык (М. Кәрим).

4. Сочетание рефлексива и пассива: основа + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ән, -он/-өн) + аффикс пассива (-ыл/-өл, -ол/-өл): уйла-н-ыл-, һөйлә-н-өл-, тот-он-ол-, йыу-ын-ыл-. Например: Уйланымлаған кайза инде ул, – тиештәләр карттар (З. Бишшева). Шулай итеп, мохтаж гаиләләргә ярзам итеү өсөн шәфхәтлелек күрһәтеү фонды исәбе асылғандан алып 27 миллион 42 мең һумлык сығымдар тотонолдо («Ағизел» журналынан). Эшләнәлдә инде, ал-ял белмәй эшләнәлдә (Н. Мусин).

5. Сочетание каузатива и каузатива:

а) основа + аффикс каузатива (-т) + аффикс каузатива (-ыр/-ер, -ор/-өр; -дыр/-дөр, -дор/-дөр, -тор/-төр): *тара-т-тыр-, өлгөр-т-төр-, кил-дер-т-тер, эшлө-т-тер-, яптыр-т-тыр-*. Например: *Хатта йәкшәмбе көн безгә өсөн мул ғына табын да өзәрлөттөргө (М. Кәрим). Эңер төшкәс тә генералга шылтыраттырдым (М. Кәрим). Самауыр ултырттырды (Н. Дәүләтшина);*

б) основа + аффикс каузатива (-ыр/-ер, -ор/-өр; -дыр/-дөр, -дор/-дөр, -тор/-төр) + аффикс каузатива (-ыр/-ер, -ор/-өр; -дыр/-дөр, -дор/-дөр, -тор/-төр): *көл-дөр-төр-, кал-дыр-тыр-, һиз-зәр-төр-, ал-дыр-тыр-*. Например: *Нунак килһә таптыртыр, ат урынына саптыртыр (Мәхәл);*

в) основа + аффикс каузатива (-ыр/-ер, -ор/-өр; -дыр/-дөр, -дор/-дөр, -тор/-төр) + аффикс каузатива (-т): *бел-дөр-т-, яз-зыр-т-, кил-дөр-т-, ал-дыр-т-, кал-дыр-т-, һал-дыр-т-*. Например: *Башта мине сразы төге батыр мөнән көрөштөртмөнәләр (З. Биишөва). Юлда йырлатып, һынап карарбыз за, ысынлап шулай шөп йырлаһа, ярышта катнаштыртырбыз (З. Биишөва).*

6. Сочетание рефлексива и каузатива: основа + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ән, -он/-өн) + аффикс каузатива (-дыр/-дөр, -дор/-дөр): *көй-ән-дер-, сис-ән-дер-, йыу-ын-дыр-*. Например: *Тазарынып сыкнас, безгә баштан-аяк өр яңынан көйөндөргәләр (Б. Бикбай). Шул бөр «һасык апанды» кызын мактандырып һорашып тормаһаң (Н. Дәүләтшина). Был хәбәр мине бик һөйөндөргә, мин өңөл тын алдым (Д. Юлтый).*

7. Сочетание рефлексива, реципрока или социатива: основа + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ән, -он/-өн) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-өш, -ош/-өш): *ғәйөплә-н-өш-, эйәрт-ән-өш-, көй-ән-өш-*. Например: *«Ғәйөпләнөштән булмаһын, хужалар», «ғәйөп итөп китмәгөз, кунактар», – тиешөп Келәшлөккә юл алдык (М. Кәрим). Кыззар, аллы-артлы эйөртөнөшөп, Озонгол яғына киттөләр (З. Биишөва). Әсәй мөнән өләсәй ашығып тороп көйөнөшөргә көрөштөләр (М. Кәрим). Балалар йөһәт кенә унан-бынан көйөнөшөп сығып сабып бөттө (З. Биишөва).*

8. Сочетание рефлексива, каузатива и пассива: основа + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ән, -он/-өн) + аффикс каузатива (дыр/-дөр, -дор/-дөр) + аффикс пассива (-ыл/-өл, -ол/-өл): *тулыла-н-дыр-ыл-, сис-ән-дөр-өл-, көй-ән-дөр-өл-*. Например: *Уның өйө зур, заманса итөп йыһазландырылған (Н. Мусин).*

9. Сочетание реципрока или социатива с каузативом: основа + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-өш, -ош/-өш) + аффикс каузатива (-тыр/-төр, -тор/-төр): *кара-ш-тыр-, һөйлә-ш-төр-, кайт-ыш-тыр-*. Например: *Өләсәһе лә, йүгөрөп килеп, уны төрлөсә капшап, һыйлаштырып караны (З. Биишөва). Куддарындагы катырғаларын асып*

караштырғылайзар (М. Кәрим). Икебезгә лә қағылған Прометей шауқымы беззе тиз үк дуслаштырзы (М. Кәрим).

10. Сочетание реципрока или социатива и пассива: основа + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш) + аффикс пассива (-ыл/-ел, -ол/-өл): *бир-еш-ел-, аңла-ш-ыл-, һәйлә-ш-ел-, ал-ыш-ыл-. Аңлашылды инде, – ул миңә табан боролдо (М.Кәрим). Уныһы киләшәлгән бит инде (Н. Мусин).*

11. Сочетание реципрока или социатива и реципрока или социатива: основа + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш): *ярат-ыш-ыш-, һал-ыш-ыш-, бар-ыш-ыш-, ал-ыш-ыш-. Например: Көскәйзән жолагын төшләткән өгөтә менән яратышышалар (З.Биишева). Һыҙғырт, ти икән бахыр, – тип һәйләшешәп, шаулашышып алдылар (З.Биишева).*

12. Сочетание каузатива, реципрока или социатива: основа + аффикс каузатива (-т; -ыр/-өр, -ор/-өр; -дыр/-дөр, -дор/-дөр, -тор/-төр) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш): *бөш-өр-өш-, кип-тер-өш-, һип-тер-өш-, баҫ-тыр-ыш-, кип-тер-өш-, көл-дөр-өш-, төй-гөз-өш-. Например: Емеш тышы боз менән қатланып туңып тағы ла ауырая төшкән силәктәрҙе апаһына һикәгә ултыртышты (З.Биишева).*

13. Сочетание каузатива, каузатива, реципрока или социатива: основа + аффикс каузатива (-ыр/-өр, -ор/-өр; -дыр/-дөр, -дор/-дөр, -тор/-төр) + аффикс каузатива (-т) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш): *көл-дөр-т-өш-, кип-тер-т-өш-, кип-дөр-т-өш-. Например: Аштан һуң қунактарың қулдарын йыуҙыртыштылар (З. Биишева). Ағайым миңә бүләккә бирелгән шарҙарҙы өрҙәртөштө.*

14. Сочетание реципрока или социатива, каузатива, реципрока или социатива: основа + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш) + аффикс каузатива (-тыр/-төр, -тор/-төр) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш): *бар-ыш-тыр-ыш-, баҫ-ыш-тыр-ыш-, киҫ-өш-тер-өш-, ал-ыш-тыр-ыш-, бир-еш-тер-өш-. Например: Байгилде ағай катын эзләп киткән көндә Сыуаҡай әбей иртүк киләп Бибөшкә өй йыйыштырышты (З. Биишева).*

15. Сочетание пассива и каузатива: основа + аффикс пассива (-ыл/-өл, -ол/-өл) + аффикс каузатива (-дыр/-дөр, -дор/-дөр): *күм-өл-дөр-, сәнс-өл-дөр-, яз-ыл-дыр-, өң-өл-дөр-, яр-ыл-дыр-. Например: Кызыл кирбәс диуарға киләп төртөлдөрһөгәз инде (М. Кәрим).*

16. Сочетание каузатива, реципрока или социатива, реципрока или социатива: основа + аффикс каузатива (-тыр/-төр, -тор/-төр; -зыр/-зөр, -зор/-зөр) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-өш, -ош/-өш) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-өш, -ош/-өш): *баҫ-тыр-ыш-ыш-, кип-тер-өш-өш-, ал-дыр-ыш-ыш-. Например: Утынды күршә*

малайзар килтерешөштө (һөйләү телмәренән). Апайыңа әйберзәрен индерешөш (һөйләү телмәренән).

17. Сочетание рефлексива, каузатива, реципрока или социатива: основа + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ен, -он/-өн) + аффиксы каузатива (-дыр/-дер, -дор/-дөр) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш): кей-ән-дер-еш-, сис-ән-дер-өш-, тот-он-дор-ош, саб-ын-дыр-ыш. Например: *Никах алдынан һин кәләште кейендерешөрһән, йәме (һөйләү телмәренән). Әбейзе йыуындырышһән, сабындырышһән, бик һәйбәт булыр ине (һөйләү телмәренән).*

18. Сочетание пассива и рефлексива: основа + аффикс пассива (-ыл/-ел, -ол/-өл) + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ен, -он/-өн): ас-ыл-ын-, аш-ал-ын-, кей-өл-ән-, сис-өл-ән-, тот-ол-он-. Например: *Шатлыктан кыз егеттең муйынына асылынды (һөйләү телмәренән).*

В разделе «Залоговость и темпоральность» отмечается, что залоговости присуща временная парадигма, включающая формы настоящего, будущего и прошедшего времени. Грамматическая категория времени глагола образует центр (грамматическое ядро) функционально-семантической категории темпоральности. По определению А.В. Бондарко, темпоральность – это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отчета. Формы темпоральности башкирского языка отличаются разнообразием смысловых оттенков и функций, имеет сложную природу, часто взаимодействует с залоговостью.

Взаимодействие залоговости и темпоральности в башкирском языке представлено следующими моделями:

1. Основа + аффиксы каузатива (-дыр/-дер, -дор/-дөр; -тыр/төр, -тор/-төр; -зыр/-зөр, -зор/-зөр) + аффикс пассива (-ыл/-ел, -ол/-өл) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: ал-дыр-ыл-а (ал-дыр-ыл-ды, ал-дыр-ыл-асак); кил-төр-өл-ә (кил-төр-өл-дә, кил-төр-өл-әсәк); бас-тыр-ыл-а (бас-тыр-ыл-ды, бас-тыр-ыл-асак).

2. Основа + аффикс каузатива (-т) + аффикс пассива (-ыл/-ел, -ол/-өл) + аффикс настоящего времени (прошедшего времени, будущего времени): һөйлә-т-өл-ә (һөйлә-т-өл-дә, һөйлә-т-өл-өр); аңла-т-ыл-а (аңла-т-ыл-ды, аңла-т-ыл-асак); аша-т-ыл-а (аша-т-ыл-ды, аша-т-ыл-ыр).

3. Основа + аффикс пассива (-ыл/-ел, -ол/-өл) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: яз-ыл-ыш-а (яз-ыл-ыш-ты, яз-ыл-ыш-асак); айыр-ыл-ыш-а (айыр-ыл-ыш-ты, айыр-ыл-ыш-асак).

4. Основа + аффикс каузатива (-т) + аффикс каузатива (-ыр/-өр, -ор/-өр; -дыр/-дер, -дор/-дөр, -тор/-төр) + аффикс настоящего (прошедше-

го,будущего) времени: *тара-т-тыр-а* (*тара-т-тыр-зы, тара-т-тыр-асак*); *өлгөр-т-төр-ә* (*өлгөр-т-төр-зе, өлгөр-т-төр-әсәк*).

5. Основа + аффиксы каузатива (-т) + аффикс каузатива (-ыр/-ер, -ор/-өр; -дыр/-дер, -дор/-дөр, -тор/-төр) + аффикс каузатива (-т) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: *куйзыр-т-тыр-т-а* (*куйзыр-т-тыр-т-ты, куйзыр-т-тыр-т-асак*); *һалдыр-т-тыр-т-а* (*һалдыр-т-тыр-т-ты, һалдыр-т-тыр-т-асак*); *эшлә-т-төр-т-ә* (*эшлә-т-төр-т-те, эшлә-т-төр-т-әсәк*).

6. Основа + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ен, -он/-өн) + аффикс каузатива (-дыр/-дер, -дор/-дөр) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: *кей-ән-дөр-ә* (*кей-ән-дөр-зе, кей-ән-дөр-әсәк*); *сис-ән-дөр-ә* (*сис-ән-дөр-зе, сис-ән-дөр-әсәк*), *йыу-ын-дыр-а* (*йыу-ын-дыр-зы, йыу-ын-дыр-асак*).

7. Основа + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш) + аффикс каузатива (-тыр/-тер, -тор/-төр) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: *ал-ыш-тыр-а* (*ал-ыш-тыр-зы, ал-ыш-тыр-асак*); *кара-ш-тыр-а* (*кара-ш-тыр-зы, кара-ш-тыр-асак*); *буя-ш-тыр-а* (*буя-ш-тыр-зы, буя-ш-тыр-асак*).

8. Основа + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш) + аффикс пассива (-ыл/-ел, -ол/-өл) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: *һөйлә-ш-ел-ә* (*һөйлә-ш-ел-де, һөйлә-ш-ел-әсәк*).

9. Основа + аффикс каузатива (-ыр/-ер, -ор/-өр; -дыр/-дер, -дор/-дөр, -тор/-төр) + аффикс каузатива (-т) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: *көл-дөр-т-өш-ә* (*көл-дөр-т-өш-те, көл-дөр-т-өш-әсәк*), *кип-төр-т-өш-ә* (*кип-төр-т-өш-те, кип-төр-т-өш-әсәк*).

10. Основа + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ен, -он/-өн) + аффикс каузатива (-дыр/-дер, -дор/-дөр) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: *кей-ән-дөр-т-ә* (*кей-ән-дөр-т-те, кей-ән-дөр-т-әсәк*); *сис-ән-дөр-т-ә* (*сис-ән-дөр-т-те, сис-ән-дөр-т-әсәк*).

11. Основа + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ен, -он/-өн) + аффикс каузатива (-дыр/-дер, -дор/-дөр) + аффикс реципрока или социатива (-ш, -ыш/-еш, -ош/-өш) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: *кей-ән-дөр-еш-ә* (*кей-ән-дөр-еш-те, кей-ән-дөр-еш-әсәк*); *сис-ән-дөр-еш-ә* (*сис-ән-дөр-еш-те, сис-ән-дөр-еш-әсәк*).

12. Основа + аффикс пассива (-ыл/-ел, -ол/-өл) + аффикс рефлексива (-н, -ын/-ен, -он/-өн) + аффикс настоящего (прошедшего, будущего) времени: *аҫ-ыл-ын-а* (*аҫ-ыл-ын-ды, аҫ-ыл-ын-асак*); *аш-ал-ын-а* (*аш-ал-ын-ды, аш-ал-ын-асак*).

Взаимодействие семантических разновидностей, т.е. сочетание в одной лексеме аффиксов залоговости и аффиксов темпоральности имеет системный характер. Залоговость и темпоральность характеризуются специальными аффиксами, которые употребляются после основы. Как правило, сначала идет показатель залоговости, а затем – аффикс темпоральности.

В разделе «Залоговость и аспект» рассматриваются вопросы взаимодействия залоговости с категорией аспекта.

Каждый глагол в тюркских языках, в том числе и в башкирском языке, имеет четыре параллельных варианта спряжения или четыре аспекта: положительный, отрицательный, возможности и невозможности. Положительный аспект (категория утверждения) и отрицательный аспект (категория отрицания) в башкирском языке выражают наличие или отсутствие действия, процесса и т.д. в семантике формы глагола. Действие при положительном аспекте изображается как реальное и объективно происходящее. Положительный аспект (категория утверждения) не имеет специальных аффиксов. Отрицательный аспект (категория отрицания) представляет действие любого наклонения, времени, лица, числа со значением «минус». Внешним показателем этого аспекта является аффикс *-ма/-мә* (*бар – бар-ма*).

Аспект возможности выражается деепричастием любого глагола и вспомогательным глаголом *ал-*: *күрә алды, күрә алған, күрә алып, күрә алып* и т.п. Аспект невозможности есть отрицание возможности. Аспект невозможности выражается деепричастием на *-а/-ә, -й* и отрицательными формами вспомогательного глагола *ал-* (*күрә алды – күрә алманы; күрә алған – күрә алмаған; күрә алып – күрә алмаҫ; күрә алып – күрә алмай*).

Залоговость тесно взаимодействует и с категорией аспекта, поскольку аспекты обозначают наличие или отсутствие действия, а залоговость обозначает действие в его отношении к семантическому субъекту и семантическому объекту. В башкирском языке типы аспектов взаимодействуют со следующими залоговыми формами:

1. Активные формы с положительным аспектом (*бар, кил, тор, ултыр*), отрицательным аспектом (*барма, килмә, торма, ултырма*), аспектом возможности (*бара алды, килә алған, тора алып, ултыра алды*) и невозможности (*бара алмай, килә алмаған, тора алмай, ултыра алмаҫ*).

2. Пассивные формы с положительным (*китап озақ укылды, приказ тиз бирелде, диплом студент тарафынан язылды*), отрицательным (*китап озақ укылманы, приказ тиз бирелмәне, диплом студент тарафынан язылманы*) аспектом, аспектом возможности (*дискка яззырткан китап укыла алды, приказ тиз өткерелә алыныр, диплом студент тарафынан языла алды*) и невозможности (*дискка яззырткан хикәйә укыла алманы,*

приказ тиз еткерелә алынмас, диплом студент тарафынан азыла алмас).

3. Рефлексивные формы с положительным (*йыуын, кейен, төшөн*), отрицательным (*йыуынма, кейенмә, төшөнмә*) аспектом, аспектом возможности (*йыуына алды, кейенә алған, төшөнә алыр*) и невозможности (*йыуына алманы, кейенә алмаған, төшөнә алмас*).

4. Формы реципрока и социатива с положительным (*һөйләш, азыш, эшләш*), отрицательным (*һөйләшмә, азышма, эшләшмә*) аспектом, аспектом возможности (*һөйләшә алды, азыша алған, эшләшә алыр*) и невозможности (*һөйләшә алманы, азыша алмаған, эшләшә алмас*).

5. Каузативные формы с положительным (*эшләт, эшләттер, эшләттерт; азыр, азырт, азырттыр; һөйләт, һөйләттер, һөйләттерт*), отрицательным (*эшләтмә, эшләттермә, эшләттертмә; азырма, азыртма, азырттырма; һөйләтмә, һөйләттермә, һөйләттертмә*) аспектом, аспектом возможности (*эшләтә алды, эшләттерә алды, эшләттертә алды; азыра ала, азырта ала, азырттыра ала; һөйләтә алған, һөйләттерә алған, һөйләттертә алған*) и невозможности (*эшләтә алманы, эшләттерә алманы, эшләттертә алманы; азыра алмай, азырта алмай, азырттыра алмай; һөйләтә алмаған, һөйләттерә алмас, һөйләттертә алмас*).

Аспекты интегрированы в морфологическую структуру слова и про- низывают всю парадигматику данной части речи и взаимодействуют со всеми формами залога: активом, пассивом, рефлексивом, реципроком и социативом, каузативом.

В разделе «Лично-числовая парадигма залоговых форм» рассматривается взаимодействие залоговости и категории лица, числа. В башкирском языке личными называются глагольные формы, которые имеют категорию лица. Категория лица представляет собой систему форм, обозначающих отнесенность действия к его производителю с точки зрения говорящего. Категория числа глагола выражает отнесенность действия к одному субъекту или нескольким субъектам, т.е. действие характеризуется по единичности или множественности субъектов. Глаголы в форме единственного числа выражают соотношенность действия с одним субъектом, глаголы в форме множественного числа – двумя или более субъектами. Категории лица и числа находятся в тесной взаимосвязи с категорией залоговости, парадигматическим значением которого является отнесенность действия к говорящему лицу или множеству лиц, одним из которых непременно является говорящий:

1. В активных формах: *мин укыйым – без укыйбыз; һин укыйһың – һөз укыйһығыз; ул укый – улар укыйзар* или *укыйым – укыйбыз; укыйһың – укыйһығыз; укый – укыйзар*.

2. В пассивных формах: *хат минең тарафтан укыла – хат безҙең тарафтан укыла; хат һинең тарафтан укыла – хат һөҙөң тарафтан укыла; хат уның тарафынан укыла – хат уларҙың тарафынан укыла.*

3. В рефлексивных формах: *мин йыуынам – без йыуынабыз, һин йыуынаһың – һөҙ йыуынаһығыҙ; ул йыуына – улар йыуыналар или йыуынам – йыуынабыз, йыуынаһың – йыуынабыҙ; йыуына – йыуыналар.*

4. В реципроке и социативе: *мин язышам – без язышабыз; һин язышаһың – һөҙ язышаһығыҙ; ул языша – улар язышалар или язышам – язышабыз, язышаһың – язышаһығыҙ; языша – язышалар.*

5. В каузативных формах: *мин яззыртам – без хат яззыртабыз; һин хат яззыртаһың – һөҙ хат яззыртаһығыҙ; ул хат яззырта – улар хат яззырталар или хат яззыртам – хат яззыртабыз; хат яззыртаһың – хат яззыртаһығыҙ; хат яззырта – хат яззырталар.*

Лично-числовой парадигме залоговых форм в башкирском языке присущи специальные аффиксы, которые используются после залоговых аффиксов:

1. 1 лицо характеризуется аффиксами: *-мын/-мөн, -м, -ым, -ем* в единственном числе, *-быз/-без, -боҙ/-бөҙ, -и/-и* во множественном числе: *язам – язабыз* (актив); *хат минең тарафтан языла – хаттар һөҙөң тарафтан язылалар* (пассив); *үҙ алдыма низер язынам – язынабыз* (рефлексив); *язышам – язышабыз* (реципрок и социатив), *яззыртам – яззыртабыз* (каузатив).

2. 2 лицо образуется путем присоединения аффиксов: *-һың/-һөң, -һон/-һөн, -һы/-һө, -һон/-һөн, -һ* в единственном числе, *-һығыҙ/-һөҫөҙ, -һоҫоҙ/-һөҫөҙ, -ғыҙ /-гөҙ, -ғоҙ /-гөҙ, -ығыҙ/-өгөҙ, -оҫоҙ/-өгөҙ* во множественном числе: *һин йыуаһың – йыуаһығыҙ* (актив); *һинең тарафтан йыуыла – һөҙөң тарафтан йыуылалар* (пассив); *йыуынаһың – йыуынаһығыҙ* (рефлексив); *йыуышаһың – йыуышаһығыҙ* (реципрок и социатив); *йыузыртаһың – йыузыртаһығыҙ* (каузатив).

3. 3 лицо характеризуется аффиксами: *-һын/-һөн, -һон/-һөн, -һы/-һө, -һон/-һө* в единственном числе, *-лар/-ләр, -тар/-тәр, -ҙар/-ҙәр, -дар/-дәр; -һындар/-һөндәр, -һондар/-һөндәр; -лары/-ләре* во множественном числе: *ул һорай – улар һорайҙар* (актив); *уның тарафынан һорала – уларҙың тарафынан һорала(лар)* (пассив); *һорана – һораналар* (рефлексив); *һораша – һорашалар, һорашһын – һорашһындар* (реципрок и социатив), *һората – һораталар, һоратһын – һоратһындар* (каузатив).

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения обозначенной проблемы.

Основные положения и результаты диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Саяхова З.И. Из истории разработки категории залога в тюркологии / З.И. Саяхова // Вестник Башкирского университета (специальный выпуск). – Уфа, 2010. – Том 15. – №3(1). – С. 976-980. [0,4 п.л.]
2. Саяхова З.И. Рефлексивные формы глагола в башкирском языке / З.И. Саяхова // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования» (Горно-Алтайский государственный университет). – Горно-Алтайск, 2011. – №3(28). – С. 226-229. [0,4 п.л.]
3. Саяхова З.И. Формы каузатива в башкирском языке / З.И. Саяхова // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования» (Горно-Алтайский государственный университет). – Горно-Алтайск, 2011. – №5(30). – С. 319-322. [0,6 п.л.]
4. Саяхова З.И. Залоги глагола в башкирском языке / З.И. Саяхова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – Москва, 2011. – №5. – С. 60-65. [0,6 п.л.]
5. Саяхова З.И. Основные концепции изучения залоговой проблематики в лингвистике/ З.И. Саяхова // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования» (Горно-Алтайский государственный университет). – Горно-Алтайск, 2011. – №6(31). – Часть I. – С. 284-287. [0,6 п.л.]
6. Саяхова З.И. Страдательный залог в башкирском языке / З.И. Саяхова // Вестник Башкирского университета (специальный выпуск). – Уфа, 2011. – Том 16. №3(1). – С. 981-984. [0,6 п.л.]
7. Саяхова З.И. Реципрокально-социативные формы в башкирском языке/ З.И. Саяхова // Вестник Башкирского университета (специальный выпуск). – Уфа, 2011. – Том 16. – №3(1). – С. 985-988. [0,6 п.л.]
8. Саяхова З.И. Интерпретация основного залога в тюркологии / З.И. Саяхова // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел, 2011. – №6(20). – С. 151-153. [0,4 п.л.]
9. Саяхова З.И. Образование пассивных форм в башкирском языке / З.И. Саяхова // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – Орел, 2012. – №4(24). – С. 152-155. [0,4 п.л.]
10. Саяхова З.И. Оппозиция активность/пассивность в башкирском языке/ З.И. Саяхова // Международный научный журнал «European Social Science Journal» («Европейский журнал социальных наук»). – Рига – Москва, 2012. – №8(24). – С. 234-241. [0,6 п.л.]

Монографии

11. Салыхова З.И. Категория залога глагола и залоговость: история и современность: Монография /З.И. Салыхова. – Уфа: Гилем, 2012. – 124 с. [8,1 п.л.]

12. Салыхова З.И. Функционально-семантическая категория залоговости в башкирском языке: Монография /З.И. Салыхова. – Уфа: Гилем, 2012. – 230 с. [13,1 п.л.]

Статьи в научных изданиях

13. Салыхова З.И. История исследования категории залога / З.И. Салыхова // Проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания в свете традиционных и новейших направлений в лингвистике: Сборник научных статей. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С.187-192. [0,4 п.л.]

14. Салыхова З.И. О функционально-семантической категории залоговости в башкирском языке/ З.И. Салыхова // Актуальные проблемы башкирского теоретического языкознания: Сборник материалов республиканского методологического семинара. – Sterlitamak: СГПА, 2009. – С.108-112. [0,2 п.л.]

15. Салыхова З.И. Категория залога в башкирском языке / З.И. Салыхова // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – Казань: ТГГПУ, 2009. – С.132-135. [0,2 п.л.]

16. Салыхова З.И. Функционально-семантическая и морфологическая особенность башкирских благопожеланий / З.И. Салыхова // Человек в системе образования: тенденции и перспективы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Ч.II. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С.232-236. [0,2 п.л.]

17. Салыхова З.И. Определение категории залога в башкирском языке / З.И. Салыхова // Роль классических университетов в формировании инновационной среды регионов. Сохранение и развитие родных языков и культур в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции. – Том III. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С.138-140. [0,1 п.л.]

18. Салыхова З.И. Страдательный залог в башкирском языке / З.И. Салыхова // Филологическое образование: история, современность, перспективы (Бишевские чтения): Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Sterlitamak: СГПА, 2009. – С.257-260. [0,2 п.л.]

19. Салыхова З.И. Образование страдательного залога в башкирском языке / З.И. Салыхова // Сохранение и развитие родных языков и культур в

условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С.235-238. [0,2 п.л.]

20. Саяхова З.И. Критерии выделения залогов в тюркских языках. Страдательный залог/ З.И. Саяхова // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сборник научных трудов кафедры философии МГПУ. Выпуск 42. – Москва, 2010. – С.194-197. [0,4 п.л.]

21. Саяхова З.И. О функции залога глагола / З.И.Саяхова // Актуальные проблемы современной тюркской филологии: Сборник научных статей. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С.321-325. [0,3 п.л.]

22. Саяхова З.И. Трактовка категории залога в тюркологии / З.И. Саяхова // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества: Материалы III Международной научной конференции. – Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2010. – С.220-222. [0,1 п.л.]

23. Саяхова З.И. Значение страдательной формы глагола в тюркских языках / З.И. Саяхова // Филологическое образование: история, современность, перспективы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишиевой, 2010. – С.139-142. [0,2 п.л.]

24. Саяхова З.И. К определению сущности категории залога и залоговости / З.И. Саяхова // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков: Сборник материалов Международной тюркологической конференции, посвященной памяти академика Д.Г.Тумашевой. – Казань: 2011. – С.257-260. [0,7 п.л.]

25. Саяхова З.И. О взаимно-совместном залоге (на материале башкирского языка) / З.И.Саяхова // Проблемы билингвизма в поликультурном пространстве: Сборник научных статей. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – С.151-155. [0,4 п.л.]

26. Саяхова З.И. О функционально-семантическом поле залоговости в лингвистике / З.И. Саяхова // Научные труды Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишиевой. – Том 1: В 3-х сериях. – Серия: «Гуманитарные и социальные науки». – Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишиевой, 2011. – №1. – С. 111-116. [0,4 п.л.]

27. Саяхова З.И. Изучение проблемы залогов в тюркологии / З.И. Саяхова // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб., 2011. – №8. – С. 36-45. [0,8 п.л.]

28. Саяхова З.И. О возвратной форме залога глагола в башкирском языке / З.И. Саяхова // Профессор Джалиль Гиниятович Киекбаев и его вклад в развитие урало-алтайской и тюркской филологии: материалы Ме-

ждународной научно-практической конференции. – Уфа: ООО «Издательство «Диалог», 2011. – С.410-415. [0,4 п.л.]

29. Саяхова З.И. Учение о системе залогов в языкознании / З.И. Саяхова // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: Материалы Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2011. – С.140-148. [0,5 п.л.]

30. Саяхова З.И. Проблема основного залога в башкирском языке / З.И. Саяхова // Современные проблемы башкирской и тюркской филологии и филологического образования: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2012. – С.275-278. [0,3 п.л.]

31. Саяхова З.И. Структура активных форм залога глагола / З.И. Саяхова // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. – СПб., 2012. – №6-7. – С. 21-25. [0,3 п.л.]

32. Саяхова З.И. Семантические типы и синтаксические функции рефлексивных форм в башкирском языке / З.И. Саяхова //Актуальные проблемы современной тюркской филологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения известного башкирского ученого Габбаса Давлетшина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С.181-185. [0,3 п.л.]

33. Саяхова З.И. Образование рефлексивных форм в башкирском языке / З.И. Саяхова // Филологическое образование: история, современность, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной Году благополучного детства и укрепления семейных ценностей в РБ, 15-летию факультета башкирской филологии СФ БашГУ. – Стерлитамак: РИО СФ БашГУ, 2012. – С. 128-132. [0,3 п.л.]

САЛЯХОВА ЗУГУРА ИДРИСОВНА

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
ЗАЛОГОВОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 24.10.2012 г.
Гарнитура «Times Roman». Бумага ксероксная. Формат 60х80_{1/16}.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 3,0.
Заказ № 347/12. Тираж 100 экз.

Отпечатано в полиграфическом участке
Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета:
453103, Стерлитамак, пр. Ленина, 49

102